

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО»

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

КРЫМ

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ

7

Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

Егеръ Императрицы. Крым

«Автор»

2022

Булычев А.

Егерь Императрицы. Крым / А. Булычев — «Автор»,
2022 — (Егерь Императрицы)

На границе между Османской и Российской империями неспокойно, а уж на Бугской линии тем более! На западе нависает огромная Очаковская группировка турок, на востоке – бескрайняя Дикая степь, а на юге, за Перекопом, Крым ждет десант из Стамбула. Выстоит ли рота Егорова, сможет ли удержать свой рубеж или поляжет в приграничных сражениях? Егеря-волкодавы готовятся к бою!

© Булычев А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть I. Бугская линия	5
Глава 1. В Александр-шанц	5
Глава 2. Станица Николаевская	14
Глава 3. На линии	19
Глава 4. Старый солдат	25
Глава 5. Тульские штуцера	29
Глава 6. Подмога	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Булычев

Егерь Императрицы. Крым

Часть I. Бугская линия

Глава 1. В Александр-шанц

– Стой! Стой, я сказал! – суровый дядька в мундире капрала мушкетерской роты щелкнул курком фузеи, поставив ее на боевой взвод. Пара десятков его солдат взяли наизготовку свои ружья.

– Да ты чего, старый, неужели не видишь, что это свои к вам сюды едут? Вона и их высокоблагородие тоже ведь при нас, – кивнул себе за спину Цыган. – Да и я как-никак при своем чине тоже ведь в старших унтерах состою! Давайте уже, открывайте свою полосатую оглоблю, чего вы тут церемонитесь?! Гляди-ка, еще и из своих пулялок нас выцеливают?!

– Не положено, я караульную службу хорошо знаю! – солидно проворчал в ответ ветеран. Однако ствол своего ружья он все же опустил. – Пушай самый старший из вас прямо сюды, ко мне вперед выедет, и пока я в ем самолично не угляжу господина офицера, то разговора у меня с тобой, егерь, никакого тут не будет!

– Ах ты, гляди-ка, какой он здесь кочет важный! А хвост-то по старости, небось, уже и давно весь выщипан?! – вспыхнул Федор, темнея от злости.

– Спокойно, Лужин, человек при исполнении, сказал же тебе, что он на службе и свое дело, верно, знает! – Алексей спрыгнул с лошади и передал вожжи подскочившему Даниле.

– Командир отдельной роты егерей с Бугской линии, премьер-майор Егоров! Направляюсь к генерал-майору Ганнибалу по служебному делу. А ты, капрал, небось, сам из Орловского пехотного полка будешь? – и кивнул на его голубой погон, нашитый на левое плечо.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – капрал сноровисто перевел фузею в положение «к ноге» и вытянулся перед офицером по стойке смирно. – Капрал Орловского пехотного полка, первого батальона, второй мушкетерской роты Ерунов Семен. Поставлен со своим плутонгом на караул при Очаковском тракте. Извиняйте, ваше высокоблагородие, узнал я вас. От нас только о позапрошлом годе в Валахии к вам с десятком рядовых ушли вместе с капралом Васиним. И в прошлом, на Буге, небось, столько же осталось, когда мы там с вами напротив турок стояли.

– Ну вот, узнал же, а ведь все одно как петух кричал тут, да еще и хорохорился! – буркнул за спиной у Егорова Цыган.

– Лужин, рот закрой, договоришься ты у меня! – Лешка, не оборачиваясь, показал своему подпрапорщику кулак.

– Ну и как, капрал, спокойно у вас здесь? Никого еще пока на дороге не отлавливали? – Егоров внимательно оглядел весь «блок-пост», а это два небольших укрепления по краям тракта из плотно составленных больших ивовых корзин, заполненных камнями с землей. Тут же виднелись и несколько десятков заостренных рогаток, а через саму дорогу была перекинута полосатая жердина-шлагбаум. Ну вот, собственно, и все придорожное укрепление с его доблестными защитниками.

– Да нет, господин премьер-майор, тихо пока у нас здесь, – покачал головой орловец. – Так, только пару селян подозрительных к господину полковнику отконвоировали за весь этот месяц, что мы тут на карауле стоим. Уж больно они на тех сечевиков были похожи, которых по повелению государыни императрицы мы еще о позапрошлом лето разогнали на Хортице.

А вот турки с татарами здесь у нас по тракту и вовсе не проходили. Ежели только в окружную, степью, то да, было дело, но вот чтобы тут и через нас, пока Бог миловал. Мы ведь, ваше высокоблагородие, знамо дело, не сможем долго выстоять здесь против их наскока, коли они всем своим скопом на нас полезут. Настоящие-то ретраншементы, они сами вон где, в половине версты за нашими спинами стоят. А у нас тут так, только чтобы сигнал тревоги для всего основного войска подать.

– Ну, будем надеяться, что вам даже и сигнал подавать не потребуется, – проговорил сочувственно Егоров. – Хотя уж больно они шевелятся что-то в последнее время. Постоянно у нас там, на Буге, перестрелки с османами происходят. Хотя и так, как раньше, сломя голову они тоже уже теперь не лезут. Обожглись, видать, и чуток осторожнее стали. – Ладно, капрал Ерунов, поедem мы дальше, открывайте этот свой дорожный шлагбаум.

Старший въездной заставы махнул рукой своим людям, и два солдатики, подбежав к длинной жердине, завернули ее вбок, освобождая проход. Конный дозорный плутонг егерей заехал на территорию предместий укрепленного поселения Александр-шанц, или, как его еще называли турки, Александр-кале.

Возле возводимой тут крепости шла рабочая суета. Сама она уже была окружена высокими земляными валами, облицованными с наружной стороны слоями камня. Перед этими валами был выкопан глубокий ров, который в данный момент был пока еще без воды, а на самом верху земляных насыпей канониры уже устанавливали батареи крепостных орудий. Далее за валами высились возводимые инженерными ротами каменные бастионы и внутренние крепостные строения. Всюду сновали рабочие партии солдат с шанцевым инструментом, с носилками и самым разнообразным строительным материалом.

Перед главным въездом во внутренние укрепления егеря были остановлены еще одним крепостным караулом. Капитан-пехотинец, выслушав Егорова, приказал сопроводить его к командующему гарнизоном молодому прапорщику, а всем остальным прибывшим дожидаться пока своего командира на площадке у въезда.

– Извините, господин премьер-майор, их превосходительство из-за последних событий в Крыму повелел у нас здесь придерживаться особых правил. Это касается всех прибывающих в нашу крепость. Я-то сам вас хорошо знаю. Мы ведь с вами еще под началом Шипилова Алексея Сергеевича в поиске под Гуробалами вместе были, да и под Селистрией вы нас хорошо там огнем своих стрелков поддержали, однако извините, таков уж у нас здесь порядок. Иван Абрамович самолично несение караульной службы постоянно проверяет, и за любое небрежение он со всей строгостью с виновного спрашивает.

– Да я все понимаю, – улыбнулся Алексей. – Вы моим ребятам пока подскажите, где им здесь воды можно набрать? А то она в этих лиманах везде у вас соленая. А мы с самой утренней зари в пути. Люди ладно, у нас вот кони еще не поены.

– Ну, за это вы можете не беспокоиться, – успокоил его капитан и, подзвав к себе своего старшего унтер-офицера, распорядился о помощи егерям.

– Ну что, господин прапорщик, ведите меня к генералу, – улыбнулся Алексей, разглядывая выделенного ему для сопровождения молодого офицера.

– Пойдемте, ваше высокоблагородие, – провожатый уважительно покосился на егерский доломан с закрепленным на нем георгиевским крестом и, шмыгнув, словно заправский мальчишка, пошел вглубь укреплений.

– Как зовут-то тебя, господин прапорщик. Лет сколько? Недавно, небось, в армии? Откуда сам будешь?

Было в этом пареньке что-то располагающее. Широкое открытое лицо с конопушками, большие голубые глаза под длинными ресницами, нос пуговкой.

– Александр Семенович Скобелев, – постарался сделать голос как можно более солидным офицер. – Шестнадцать уже мне, ваше высокоблагородие, и еще плюсом три месяца. В мае я в полк прибыл, а сам родом из Рязани, наше поместье всего лишь в трех десятках верст от города.

– О-о, сударь, да мы с тобой почти что земляки, – усмехнулся Егоров. – Я и сам, почитай, рязанец, ну если и не по рождению, то уж по духу – это точно.

– Как это, господин майор? – Сашка с недоумением взглянул на егеря.

– Да ладно, Скобелев, не бери в голову, – отмахнулся Алексей. – Как служба-то тебе, тяжело, небось?

– Всякие тяготы службы надобно переносить стойко, господин майор, – важно произнес паренек и чуть придержал рукой Алексея. – Тут вот осторожнее, мостки через канаву совсем хлипкие. Вы лучше вот здесь, чуток правее переходите. Попервой, было, конечно, тяжело-вато, – признался он в продолжение разговора. – Народу много, вокруг сплошная суета, гарнизон-то у нас здесь огромный. Справной амуниции никакой нет, одели как чучело в полковом интендантстве. Ладно хоть деньги еще от прогонных оставались. Кой-чего я с них прикупил, чего-то обменял с доплатой, ну и так, солдатики с моей полуроты помогли тоже подшиться. Рукастые они у меня все. Вот я и втянулся потихоньку. Сейчас моя рота по своей очереди караульную службу несет, а до этого она все больше на работах по строительству крепости была. Чего только мы не делали: и шанцы строили, и вал подправляли, и в помощь плотникам нас определяли на постройку казарм. Вот такая она у нас здесь, служба, – с четко ощутимой ноткой печали произнес прапорщик. – А у вас, господин майор, там, на Буге, небось, интересно? Слышал я, что перестрелки идут, погони, ну прямо настоящая война! Не то что вот это все, – кивнул он на огромную стройку.

– Не такого ты ждал от своей службы? – улыбнулся Алексей. – Гарнизонная и крепостная – она такая, шибко тягучая.

– Да вы не подумайте, господин майор, я ведь не жалуюсь, – вздохнул Сашка. – Просто дела мне настоящего хочется. Вон, вы уже хорошо повоевали, заслуженный офицер, и чего только, небось, не видели за все это время. А я вот, похоже, несколько лет теперь только и буду перед начальством отчитываться, на сколько аршин моя полурота крепостной ров углубила да на сколько саженой она булыжником вал обложила.

Пройдя мимо нескольких вырытых котлованов и строек, они, наконец, подошли к большому, похожему на барак двухэтажному строению.

– Вот здесь у нас пока штаб располагается, господин майор. Сейчас узнаю, на месте ли генерал, – и Сашка подошел к стоявшему возле двух часовых капралу. – Заходите, ваше высокоблагородие, – махнул он через минуту рукой. – Их превосходительство сейчас у себя. Караульные говорят, что он вот только что полковых командиров от себя отпустил и, наверное, скоро проверять работы выйдет.

– Спасибо, господин прапорщик, – поблагодарил Скобелева Алексей. – Мой совет тебе – в егеря просись, ежели тебе простора здесь маловато. У нас-то его как раз предостаточно, – и шагнул на крыльцо.

– Ваше превосходительство, командир отдельной особой роты егерей с Бугской линии, премьер-майор Егоров прибыл к вам для доклада и для личной встречи!

Перед Алексеем стоял смуглый, крепкого телосложения мужчина с широким лицом, темными глазами на выкате и черным курчавым волосом, выбивавшимся из-под парика.

Старший сын из одиннадцати детей «арапа Петра Великого» Абрама Ганнибала – Иван. Дядя великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Герой операций военно-морского флота России на Средиземном море и участник Наваринского и Чесменского сражений. Основатель будущего русского губернского города Херсон, которому суждено стать колыбелью и самой первой базой Черноморского военного флота.

– Вижу, что прибыл! И чего тебе надо, майор?! Опять на строительство своей пограничной линии приехал у меня людей просить? – эмоционально прокричал генерал, буквально напирая на Лешку. – Нету у меня свободных рук для тебя, говорил ведь уже, что их нет и не будет! И так, вон, по всем срокам, определенным нам военной коллегией, мы здесь со стройкой не укладываемся! А мне еще на Перекоп скоро целый полк отправлять! Ну вот чего тебе опять здесь надо?!

– Ваше превосходительство, да я понимаю, какая перед вами архиважная здесь задача стоит, – Лешка покладисто кивнул головой. – Это где же такое видано, чтобы за два года заложить целый укрепленный город со всеми его бастионами и прочими укреплениями? А ведь еще требуется и корабельные верфи тут же при нем возвести! И где? В этом необжитом и безлесном крае, вдали от всех баз снабжения! Сие есть дело грандиозное и неподъемное, которое, пожалуй что, только лишь самым великим людям будет по плечу!

Генерал-майор оглядел Лешку с головы до ног и иронично хмыкнул:

– Вот только не нужно мне сейчас говорить, что ты только ради того, чтобы мне угодить, за сто верст сюда приехал. Егоров, я ведь тебя уже третий раз здесь вижу, и каждый раз ты не с пустыми руками от меня уезжаешь. Чего опять тебе надо? Только говорю сразу: рабочих ты у меня не получишь!

– Ваше превосходительство, да я ведь и не прошу, – Алексей развел руками. – И так спасибо вам за ваше участие и доброту. Строительные ваши роты и так ведь хорошо за этот год поработали, пока вы их не забрали. Все пять линейных пунктов они почти что до ума довели и даже центральное укрепление на самой Николаевской возводить начали. Я прекрасно понимаю, как вам тут непросто. Ничего, как-нибудь и без этого главного форта обойдемся, авось и не полезут к нам турки. Я ведь почему к вам приехал, мое высшее начальство в лице барона фон Оффенберга еще во время празднования славной виктории в Москве настоятельно рекомендовало к вам обращаться, буде какое серьезное обострение в нашей провинции. Дескать, вы, как деятельный и справедливый командир, никакое здоровое дело без своего личного внимания не оставите. А уж ваша энергичность – она ведь даже и в самих ваших речах и в поступках видна. Именно вот таким решительным и мудрым командирам, героям Наварина и Чесмы только лишь одним по плечу любое начинание.

– Довольно, майор, понял я уже, что ты меня очень уважаешь, – усмехнулся Иван Абрамович. – Хватит тебе вокруг да около ходить, боевой ведь офицер, говори давай дело, а то мне уже на проверку крепостных работ пора идти! Ну!

– Есть по делу говорить, ваше превосходительство! – кивнул Лешка и полез во внутренний карман своего доломана. – Разрешите расстелить на этом столе карту?

– Ну чего уж там, стели! – буркнул генерал и сам подошел к столу, с интересом вглядываясь в раскладываемую на нем, расписанную и расчерченную бумагу. – Ого-о, даже у меня здесь такой вот подробной нет. И откуда сие творение? Ты где это такую хорошую себе, Егоров, добыл?

– Ваше превосходительство, мы же пять лет при главном квартирмейстерстве Первой Дунайской армии как отдельная боевая единица состояли. А ее главным картографом сам Генрих Фридрихович был. Научились у него немного, – и Лешка с любовью, тщательно разгладил изгибы у карты.

– Да знаю я, какой он там картограф, – фыркнул Ганнибал. – Мне-то вот чего ты здесь «в уши дуешь»?! Так, вот это с левой стороны у тебя похоже на Буг? Ага, точно, он самый. А вот это с востока будет уже Днепр с моей крепостью. А с юга, стало быть, отмечен главный приморский лиман. Смотри-ка, даже ведь балки в степи расчерчены и сухие русла у речек и ручьев. Вот это вот похоже на Днепровские плавни, хм, а вот тут будет немного неточно, – ткнул он в широкую речную дельту. – У тебя здесь главное русло реки более полого на юг смотрит, а ведь оно на самом деле сильно на запад, в морской лиман, вытягивается. Я сам там

все, и даже не раз, на баркасе обошел, чай уж знаю, про что сейчас говорю. Даже глубину в нем мы всюду промерили. Потому как задумка такая есть – строить на самой крепостной верфи корпуса судов, а потом их уже спускать в лиман, где они далее будут оснащаться орудиями, мачтами и такелажем. Обожди-ка! – и он прошел к большому заваленному бумагами и книгами шкафу. – А ну погляди! – и Иван Абрамович приложил к Лешкиной карте свою, более грубую. – А вот мой Днепр на этой, он все же немного точнее смотрится. Его бы со всей этой речной дельтой да на твою перенести, так цены бы такой карте не было!

– Ваше превосходительство, так я же свой оперативно-тактический участок наносил. Моя рота ведь только лишь на Буге действует, и нам Днепр как бы вовсе без надобности, – пожал плечами Егоров.

– Это что за ответ такой, Егоров, без надобности? – нахмурился генерал. – Ты, господин майор, хоть сам понимаешь, что ежели ее на двести миль восточнее так же точно, как вот и твою, перенести, так у нас тогда весь юг Новороссии перед Крымом как на ладони будет? Государственными величинами пора бы уже мыслить, а не сугубо ротными. Как-никак, а ведь уже в цельных штаб-офицерах сам состоишь!

– Иван Абрамович, да куда мне такие государственные величины? Я, вон, свою-то линию и то даже как следует прикрыть не могу. А вы мне о всей прикрымской степи сейчас говорите.

Генерал посмотрел с прищуром на егеря и кивнул на карту:

– Ну и чего тогда расстелил ее тут, похвастаться, что ли, просто захотел? Или тебе есть что по делу сказать?

– Так точно, ваше превосходительство, по делу, – подтвердил Алексей. – Вы вот тут сами поглядите. Ваша крепость и та линия, которую прикрываем мы с казаками на Буге, находятся как бы между тисками. С одной стороны их нависает мощнейшая Очаковская группировка турок, а с другой Крым, где недружественные нам татары ждут очередной османский десант. Пока война не вспыхнула, мы тут держим всю западную сторону, а вот ваши части перекрывают Перекопский перешеек и всю огромную южную приднепровскую степь. Османы и татары время от времени прорываются к нам, пользуясь преимуществом в подвижности своей конницы, но мы им у себя уже хозяйствовать не даем: или разбиваем наголову, или же вытесняем на свою территорию. Это все, конечно, суетно, но не опасно.

Я бы вас хотел попросить обратить внимание на другое. Мы же все понимаем, что мир с Османской империей не вечен, и рано или поздно, но нам опять придется сойтись в противостоянии. Хорошо, если у нас будет время подготовиться к удару турок, но, зная их вероломство, вдруг он будет опять для нас неожиданным? Скажем, разработают они определенный план, которого и будут строго придерживаться. Представьте только. В Крыму вспыхивает очередное восстание против пророссийски настроенного хана, и на его территорию высаживается сильный османский десант. Ему, конечно, будет нужно время, чтобы разбить наши гарнизоны в Керчи и Еникале, а потом уже выйти к Перекопу. А вот далее турки с татарами, преодолев перешеек, могут уже угрожать вашей крепости и всему стоящему тут гарнизону.

На все это, разумеется, нужно время, и вы, разумеется, не будете сидеть сложа руки, ожидая у себя неприятеля. И время, чтобы отбиться с востока, я думаю, что у вас есть. Другое дело – это наша западная Бугская линия. Здесь уже сегодня стоит около тридцати тысяч турок, а будет нужно, так их завезут по морю, и еще столько, сколько нужно. Моя рота и бугские казаки переправившегося неприятеля хорошо если на пару-тройку часов боя задержат. А если они на нас там грамотно насядут? Так ведь и за меньшее время раздавят! И перед ними тогда будет всего лишь сто верст открытого пути до вашей крепости по ровной, голой степи. А это всего лишь сутки хода для хорошей конницы. Можно пробовать ее брать нагоном, а нет, так отрезай крепость с севера от Елисаветградской дивизии да обкладывая вокруг и жди подхода пехоты с осадными припасами от Очакова. А вот потом можно будет и подмогу из Крыма принимать.

Кстати, те части, которые у вас будут прикрывать Перекоп, они ведь тоже сразу же окажутся от вас там отрезаны и вряд ли уже успеют укрыться в самой крепости. Вы видите, вот они – эти самые пресловутые тиски или клещи, – и Лешка прямо перед генералом начертил на карте путь движения турецких войск с двух направлений.

Иван Абрамович, шумно дыша, разглядывал план возможного наступления противника.

– Ну, это еще бабушка надвое сказала, что у них тут все гладко получится. Неужто ты думаешь, что мы их просто так вот здесь сидеть и ждать станем? Как только они сюда сунутся из Очакова, от нашего Елисаветграда войска генерала Гудовича непременно по ним с севера ударят и тем самым деблокируют мою крепость. А ведь могут и вообще отрезать их от Буга. И что тогда с ними со всеми будет? Вот и окажутся они сами в тех самых пресловутых тисках.

– Да, может быть, и так, ваше превосходительство, – кивнул, соглашаясь с доводами генерала, Егоров. – Но вы представляете, сколько времени займет это наше развертывание, тогда как враг будет уже отмобилизован. И он ведь тоже сидеть на месте не будет, и одна из его колонн после переправы через Буг обязательно ударит на север, – и Лешка прочертил еще одну стрелку, третью, в сторону Елисаветграда. – Как минимум турки тут свой крепкий заслон выставят, а если они смогут накопить большие силы, так и вообще по дивизии генерала Гудовича всерьез ударят. Да и в любом случае, ваше превосходительство, даже одно то, что неприятель будет у нас в самом центре Новороссийской губернии орудовать, и то ведь уже очень плохо. Выбивай их потом с нашей территории! А ведь высокому руководству это очень не понравится. Все-таки все последнее время мы его сами привыкли на чужой земле бить, а тут вдруг такое.

Иван Абрамович навис над картой, пристально разглядывая набросанную вручную схему возможного вторжения врага.

– Сколько от тебя и до Елисаветграда?

– Более четырех сотен верст, если по прямой, – быстро ответил Егоров.

– Ага, а до меня, значит, немногим более сотни, – задумчиво проговорил генерал и сновисто промерил вилкой своего указательного и большого пальца расстояние до Крыма. – Тут вот где-то около трех сотен верст будет. Ну и по самому полуострову туркам четыре сотни пройти нужно, если они, конечно, со своим десантом в Каркинитский залив не зайдут. Тут вот на Джарылгаче высаживайся, и тогда по прямой до крепости всего лишь сто верст хода. А ведь им можно на восток повернуть и тогда моему перекопскому заслону в тыл зайти. Эх, карты у меня нет хорошей тех мест, такой вот, как у тебя! – проговорил он с досадой. – Дай своих людей, Егоров, тех, кто у тебя в этом деле искусен. Чай уж найду, чем тебе за это добром отплатить. А вообще, мысли у тебя здравые. Если турки будут действовать, как ты и сказал, имея преимущество во внезапности и в людях, то все у них вполне может получиться. Противника недооценивать нам никак нельзя, ибо именно с этого-то и выходят поражения во всех войнах. Так, пожалуй, мне придется немного отвлечься от дел фортификационных. Все равно я к губернатору Денисову собирался, вот и к Гудовичу там по пути заеду, потолкуем с ним обо всем этом. Какие у тебя по укреплению своей линии еще предложения есть? Давай уже договаривай все, коли уж начал!

– Иван Абрамович, инженерные роты или строительные команды просить у вас я не буду, понимаю, что у вас и самих здесь нехватка в людях, – вздохнул Алексей. – Будем уж сами как-нибудь там выкручиваться. Я просто хотел показать вам, как мы можем вам быть полезны в упреждении удара турок от Очакова. Вот взгляните, на всей Бугской пограничной линии к имеющимся у нас там пяти укрепленным постам мы за год, благодаря вашей помощи, добавили еще один – шестой, к северу, ну и седьмой – это центральный в самой Николаевской. А все уже имеющиеся хорошо укрепили, превратив их, по своей сути, в небольшие форты. Общая часть нашей пограничной линии составляет сейчас где-то около пяти десятков верст. В фортах у меня находится по десять человек из егерей и по столько же казаков из Бугского

полка. Между постами расстояние в пять-семь верст, и мы их контролируем как в конном, так и в пешем порядке силами этих самих постов и подвижными дозорами. Если прикинуть, то все наши силы сейчас уходят именно на то, чтобы только лишь удерживать эту тоненькую пограничную линию. Никаких резервов для сковывания сил переправляющегося противника у нас там сейчас нет. В случае же ее прорыва мы будем посылать казаков с вестью в Елисаветград и к вам в крепость, а сами вести бой. Сможем ли мы долго продержаться на своей линии при серьезном нападении турок?

– Нет, какой там продержаться! – проворчал хмурый Ганнибал. – Сам же вот до этого докладывал, что у османов под Очаковым аж восемь алаев конницы. Да на вас там пары их хватит, чтобы сковать до переправы пехоты, а все остальные, они дальше пойдут, пока вы в окружении будете пару часов биться.

– Ну, я бы нас так быстро не списывал бы со счетов, – усмехнулся Алексей. – Бились и мы ротой против целого алая янычар, и даже не один день, но, правда, все тогда в едином кулаке были и могли им бить противника хлестко, а вот сейчас все мои силы рассредоточены по всей этой линии и мы выступаем там растопыренными пальцами. Попробуй тут кого-нибудь ими ударь!

– Ну и, – подбодрил Егорова генерал, – чего ты от меня-то хочешь?

– Ваше превосходительство, – наконец решился Алексей, – мне нужна вторая линия в тылу и усиление первой. В Елисаветграде об этом и слышать пока не хотят, но они-то ведь от турок аж за четыре сотни верст сидят, а мы с вами у них вот здесь, под самым боком. Я знаю, что вы вот уже год как формируете у себя конный пикинерный полк из местных запорожских и заднепровских казаков, из крестьян, из греков и всяких прочих переселенцев. Поставьте его нам за спину верстах в пяти или десяти от линии. В случае чего они уже через двадцать минут будут у нас на берегу Буга и ударят по переправившимся, пока мы их там будем на себе держать. А у вас появится время, чтобы подготовиться к встрече с неприятелем. Да и эти турецкие отряды, что время от времени и сейчас вырываются через Буг в сторону Крыма, уже ведь будет кем перехватывать на второй линии. Нам-то самим за ними трудно угнаться, а вот легкоконным казакам – это в самый раз. И у вас тут в крепости лишней тревоги из-за них не будет. Знаю ведь, что не раз они уже проскакивали мимо, а вам из-за этого приходилось тревогу в крепости объявлять и большие свои силы на их перехват отправлять.

И по поводу первой линии, чтобы мне держать своих людей в кулаке и бить по туркам, в любом случае будет нужно хорошее пехотное подкрепление из тех солдат, кто сможет сидеть на защите малых фортов, а еще и приглядывать за своими ближайшими окрестностями. У вас, ваше превосходительство, сейчас под рукой целый отдельный батальон егерей Мекноба и три полных пехотных полка. А в каждом из них есть по одной егерской команде. Ну вот чего они тут в земле ковыряются? Давайте ими усилим мою пограничную линию? Ведь именно здесь егерям-то и место как самым искусным и лучшим стрелкам. С ружьем в руках, а не с лопатой или киркой. И по поводу самой реки: мы выбили на ней большую часть мелких военных судов турок, а остальных приучили не лезть более к нашему берегу. И все равно ведь изредка нет-нет, но все же ныряют они к нам. Да и местным рыбакам от них сильно достается.

Были бы у меня большие силы, я бы и сам несколько судов оборудовал да запустил их патрулировать лиманы и само русло. Но вы же видите, как у меня плохо с людьми. Отсюда и последний мой вопрос: вольных сечевиков недавно разогнали, но ведь много таких, кто из них еще в постоянное казачье войско не перешел. Колеблются они, думают сейчас, как им дальше быть, а ведь среди них много искусных мореходов из тех, кто на своих чайках в большом страхе османов держал. И в последней войне на Дунае они очень даже себя достойно показали. Если таковые вдруг найдутся, ваше превосходительство, то отправляйте их всех к нам.

Один кончебас и три трофейных, относительно исправных баркаса у нас там и сейчас уже имеются. Подлатаем их, снарядим, вооружим, да и пусть казаки на воде пограничную службу

несут. Им бы еще, да и нам, туда мелких орудий добавить, ну или хотя бы тех же фальконетов, так вообще бы тогда здорово было. Но у меня уже просто совести нет вас об том просить, – и Лешка, виновато вздохнув, замолчал.

Ганнибал молча смотрел на карту, как видно прокручивая в мозгу все то, что он только что услышал от егерского майора. Наконец генерал вздохнул и поднял на собеседника глаза.

– Ух и жадный же ты, Егоров! Раньше одни только работные команды у меня просил, а теперь, вон, целый кавалерийский полк с батальоном тебе подавай! Да еще и пушечек бы подкинуть, да? Ладно, ладно, можешь не отвечать, знаю я все, что ты хочешь мне сказать, – хмыкнул он и почесал под париком. – Если бы мои мысли с твоими не совпадали, не по всему, конечно, но по большей части, так даже и слушать бы тебя не стал. Но что есть, то есть, я и сам заинтересован в укреплении этой самой Бугской линии. Поэтому давай-ка мы поступим с тобой так. Мне сейчас нужно идти по делам, и так, вон, я изрядно задержался. А вечером, как буду подводить итоги работ за весь день со своими старшими офицерами, так заодно с ними же посоветуюсь по всем твоим предложениям. Обмозгуем все хорошенько. А вот завтра утром ты приходи ко мне опять, и вот тогда я тебе свое решение озвучу. Коли ночевать в крепости будешь, так, может, нужно будет чего?

– Да я бы лучше у реки встал, ваше превосходительство, – покачал головой Алексей. – Тут скученность большая людей, суета и шум постоянный, а там, на свежем воздухе, у водички, самое оно будет расположиться. Коней, вон, своих искупаем. Пусть они отдохнут немного на пойменном выпасе, а вот завтра после вашего решения так сразу же домой и выедем. Ничего не нужно, Иван Абрамович, спасибо, все, что нам нужно, у нас и так при себе есть. Разрешите выйти?

– Давай, ступай, майор, – кивнул комендант. – Слишком рано только не приходи, после вторых барабанов, не раньше.

В трех больших десятских котлах кипел рыбный навар. Егеря до вечера успели наловить рыбы захваченным с собой бреднем и теперь готовили из нее уху. Рядом же парили несколько походных котелков с душистым травяным чаем. В степи, возле небольших рощиц и из низин собрали дикую мяту, чабрец, душицу и звербой, и, зачерпнув прямо из котелка кружку, востовой подал ее командиру.

– Отпейте, Ляксей Петрович, ушица уже совсем скоро будет, – кивнул он на котлы. – А вы вот пока травкой жажду утолите. Может, сухарик будете?

– Спасибо, Данила, ничего не нужно, – отказался Алексей от еды. – А вот за чаек спасибо, попою. Ты это, не суетись, я пока у реки посижу.

Перед Алексеем нес свои воды батюшка-Днепр, великая и красивая русская река, связывающая еще с древнейших времен Причерноморские степные земли с северными, лесными. Видел он за свою историю варягов, греков, флот Вещего Олега, идущего на Царьград, и ладьи возвращающегося из дальнего похода князя Святослава. В этом же месте Днепр начинал сильно расширяться, как раз перед видневшимся на водной глади огромным островом, который назовут впоследствии Большой Потемкин. А далее он уже начинал распадаться на множество рукавов, островков и протоков, образуя сорокаверстную речную дельту и заросшие всевозможной растительностью днепровские плавни.

– Ваше высокоблагородие, у нас все готово, пойдемте уже, пока горяченькое, – крикнул от костров Лужин. – А ну-ка, братцы, самую сладкую рыбку командиру! Ваня, доставай лучок, травку и тот каравай, что ты у пехотных выменял!

Оранжевое большое солнце садилось за горизонт, подкрашивая край неба красным. Дневная жара потихоньку спадала, уступая место вечерней прохладе. В траве стрекотали цикады и сверчки, а из плавней слышался крик птиц. Фыркали отгоняющие насекомых лошади. Лешка немного отодвинулся от жаркого костра и закрыл глаза – спать.

– Ну что, Егоров, знакомься, это Иван Максимович Синельников, подполковник, командир конных пикинеров, – Ганнибал кивнул на высокого, худощавого, среднего возраста мужчину, стоявшего возле стола с расстеленными на нем картами. – О твоей просьбе по усилению вашей линии мы с ним уже переговорили. Через неделю жди его у себя, а там, на месте, вы уже сами определитесь, где его пикинерам будет лучше вставать. По поводу егерей, целый батальон я тебе, конечно же, не дам, мне хорошие стрелки и самому будут нужны. Я тут подумал, и, пожалуй, в том месте, где ты указал, что туркам удобнее высаживаться на побережье, вот там лучше я их выставлю. Это со стороны Каржинского и Каланчакского заливов. Вот и пусть они мой юг со стороны моря стерегут. А вот одну из шести его рот ты, так и быть, забирай, ну и егерские команды из трех пехотных полков тоже на время под твою руку перейдут. По поводу строительных рот, многого от меня не жди, – нахмурился он сурово, – но две я, уж ладно, на полгода тебе выделю. Пусть они укрепляют эту твою Бугскую пограничную линию. Так, что еще? Ага, остались пушки. Ладно, два облегченных шестифунтовика ты от меня получишь, но больше я тебе пока дать не могу, и самому здесь нужно свою крепость укреплять. По сечевикам ничего определенного пока сказать не могу, сам должен понимать – это дело небыстрое, а они у нас сейчас вроде бы как обиженные. Ну да ничего, разберемся. Ну, вроде пока все? Чего ты столбом замер, не рад, что ли? И этого мало тебе?!

– Ваше превосходительство! Спасибо! Не ожидал просто такой щедрости! – воскликнул радостный Егоров. – Благодарю вас покорно! Эдак, действительно, с такими силами можно будет теперь крепко нашу линию держать!

– Ладно, ладно, ну вот и держи ее так, как амбарный замок, – крепко-накрепко, – отмахнулся от благодарности Иван Абрамович. – Но смотри, обещаю тебе до зимы вот такую же вот годную карту сладить, как и у тебя. Причем не только всех окрестностей крепости, а еще и местности до Крыма и здесь, на юге, возле морских заливов. Чтобы у меня в руках подробное виденье всей южной части Новороссийской губернии было. А то, не дай Бог, и правда сюда вдруг турка сунется, а я и знать не буду, где бы ему удобственнее свои заслоны выставить. Ну, вроде бы все. Чего же еще с тебя взять-то можно? – посмотрел он с усмешкой на егеря. – Ладно, ладно, шучу. Держи свою линию крепче и за турками там наблюдай. Ежели какое шевеление у них вдруг заметишь, то сразу же мне весть дай, чтобы и я тоже ко всему был готов. А то, знаешь, в Крыму-то нонче вона чего творится! Одно только радует, что там сейчас, после заболевшего Прозоровского, Суворов нашими войсками командует. Чай не допустит он высадки османов на полуостров. Генерал сей весьма решительный и умелый!

Глава 2. Станица Николаевская

Дозорный плутонг подходил к Николаевской уже после полудня. Егеря были все пропыленные.

– О-хо-хо-о, сейчас бы на речку, да как следует отмо-окнуть, – мечтательно протянул Метелкин. – А перед этим я бы полведра воды выпил! Вот разом бы все, как только из колодца ее достал. Чтобы аж зубы от холода ломило!

– Но-но! Студеную, да после такого вот жаркого перехода, – усмехнулся Быков. – Это ты, Мартынка, совсем, похоже, забылся. Вспомни-ка, чего старики наши говорили: во время жаркого покоса с энтим делом аккуратнее надобно быть, а не то тебя лихоманка махом возьмет! Чего это, зазря, что ли, мы коней после долгой скачки вываживаем? Не подпускаем ведь лошадок сразу же к воде. А все чтобы опоя у них не было, да не захворали бы они.

За пару верст до Николаевской из сухой балки вдруг выскочил конный десяток и обошел егерский плутонг по большому кругу.

– Свои, свои! – помахал им Лужин.

Пятерка во главе с приписным приблизилась, и знакомый казак поздоровался с егерями.

– Да все спокойно, ваше высокоблагородие, – доложил командир разъезда. – Мы уже домой к себе возвращались с дальнего дозора, а тут, глядь, по тракту кто-то неспешно эдак скачет, ну вот и решили, значиться, приглядеться. Так, для своего же спокойствия. Отсель, с восхода солнца, мы вроде никакого подвоха не ждем, однако всякое же в жизни бывает!

– Все правильно, Феноген, – одобрил казака Алексей. – Сторожко нам нужно держаться. Да не мне тебя учить, сам же, вон, всю турецкую в седле провел, не понаслышке ведь знаешь про коварство басурман. Как тут, за эти пять дней, ничего у вас эдакого не случилось?

– Да нет, вашвысокобродь, – мотнул тот головой. – С южного лимана только вот доложились намерении, что галера у самого нашего берега чевой-то крутилась. Но ребятки там постреляли маненько для острастки, и турки махом к себе убрались, даже вроде и не пулюнули в ответ. А так-то все тихо покамест у нас было.

– Ну, вот и хорошо, – облегченно вздохнул Егоров. – Вы дальше с нами, станичники? Домой же вроде возвращались? Трогаем! – махнул он рукой отряду, и колонна запыхавшись пошла в сторону укрепленной станицы.

– Мойся чище, Лексинька, вон на шее еще у тебя сколько грязи осталось, – Катарина зачерпнула из ведра теплую, настоявшуюся на солнце воду и полила ее на голову и на спину Лешке.

– Ох и хорошо! – фыркнул тот и, зачерпнув в ладошку из ковшика, плеснул водой в жену. – Это тебе, чистюля!

Катарина взвизгнула и отскочила от хулигана.

– Алексей, я на тебя сейчас все ведро вылью, еще и на голову его надену!

– Но-но, тебе сейчас такие тяжести поднимать никак нельзя! Лешка смахнул полотенцем с себя воду и шагнул к жене. – Иди ко мне, моя хорошая! – он крепко и в то же время осторожно прижал ее к себе. – Как вы там? – и он положил руку на округлый живот Катарини.

– Сегодня с утра толкался, Лекся, и вот еще, совсем недавно, тоже. Наверное, он соскучился сильно и почувствовал, что его папа домой едет, – ответила с улыбкой Катарина и погладила Лешку по голове. – И я тоже соскучилась, драги мой.

– Эй, голубице, вы в дом заходить буде? – Милица, стоя на крыльце, укоризненно качала головой. – Вот сейчас я уйду, так целуйтесь онда сколько вашей душа угодно. Хозяйка, у тебя на столе ужин стынет. Ты мужа кормить хочешь?

– Уф, вот кто бы еще поучал! – фыркнула Катарина и потянула Алексея ко входу в избу. – Пойдем, Алексинька, и правда ведь все уже скоро остынет. Я ведь как знала, что ты к нам сегодня возвернешься. Бурек (слоеный пирог с сыром и мясом) испекла. И рыбная чорба (густой суп) у меня стоит в печи горячая.

– Ты куда это, стрекоза, собралась, а ну-ка давай с нами за стол кушать садись! – Лешка пододвинул поближе небольшую скамеечку.

– Не-е, – махнула рукой Милица. – Я не желим. Мы с Катаринкой уже вечерили.

– Маме и тетушке с дядей гостиниц передай, – Катарина вручила сестренке крытую полотенцем корзинку, и та быстро выскочила за дверь. – Реци (скажи) маме, что я с утра зайду! – крикнула старшая сестра вслед девушке. – Эх и стрекоза! – покачала она головой, словно бы повторяя за мужем. – И какому только мужу вот такая бойкая достанется?

– И кто бы это говорил?! – усмехнулся Алексей, присаживаясь за стол. – Ты вот себя-то вспомни! Все, все, все, молчу, – поднял он шутливо вверх руки, – Сдаюсь на милость прекрасной даме!

Леонид отбивал на барабане общий сигнал побудки. Из тех хат, где на постое располагалась рота, выбегали егеря и вставали в строй, распределяясь сразу же по своим подразделениям.

– Быстрее, быстрее! – покрикивали время от времени унтера и капралы, формируя свои «коробки».

– Ваше высокоблагородие, в строю сто тридцать один человек! В караулах и дозорах ровно пятьдесят. На интендантских работах трое, незаконно отсутствующих нет, – доложил дежурный по роте офицер, подпоручик Хлебников!

Вячеслав встал на свое место на правом фланге, и Лешка оглядел замерший строй.

– Здравствуйте, егеря отдельной, особой роты!

– Здравья желаем, вашвысокблагородие! – слитно грянули почти полторы сотни мужских плотов.

– Вольно! – Алексей прошелся перед первой шеренгой. – Распорядок на сегодня у нас тот же, что и обычно. После проверки оружия, амуниции и внешнего вида далее будет пробежка, после чего новая, заступающая в караулы и в дозоры смена во главе своего дежурного командира завтракает и убывает к местам несения службы. Все остальные проводят приборку, принимают пищу и выходят на боевые занятия согласно разработанному ранее плану. Внимание, рота, первая шеренга шесть, третья четыре, вторая два шага вперед – марш! – и три ряда егерей набрали друг от друга указанную командиром дистанцию. – Обер- и унтер-офицерам выйти из строя! – скомандовал Алексей. – Приступить к проверке своих подразделений!

Пошла обычная, ежедневная процедура, повторяющаяся как минимум дважды в сутки – утром и вечером. Мундир каждого солдата должен быть чистым, а все имеющиеся в нем про-reхи тщательно заштопаны. Амуниции полагалось быть в полной исправности, а в патронных подсумках должен был находиться полный комплект боеприпасов. Само оружие проверялось на чистоту и смазку, оно должно было всегда находиться в полной боевой готовности. И так изо дня в день, из месяца в месяц, чтобы у солдата до автоматизма все это закладывалось в подсознании. Со временем приходил тот момент, когда содержание военного имущества в идеальном порядке становилось для него совершенно естественным и уже не обременяло так, как в самом начале службы. Новичкам же к такому привыкнуть было непросто, но даже на уровне солдатских артелей самими соседями, старослужащими, им постоянно вдалбливалось, что любое небрежение в этом деле зачастую стоит жизни, причем как самому виновнику, так и его боевому товарищу.

– Ты вот, Жалейкин, как следует кремень на курке замка у своей фузеи не затянул, а завтра вы в дозоре у речки с Нилом в паре будете, – сержант кивнул на стоящего слева от

молодого егеря соседа постарше. – А тот вдруг какое шовеление в кустах слышит и проверить туды поспешит. А на него из них, из этих самых кустов, неожиданно вдруг турка с саблей наголо выскочит. Ты вроде как ружжо-то свое вскинешь, щелк, а выстрела-то и нет. И все потому, как камушек из зажимных губ курка вот только что при этом самом его взводе выскочил. А турок уже твоего товарища, тьфу-тьфу-тьфу, не дай Бог, конечно, клинком секанул и теперяча на тебя прет. Хорошо ежели ты сам от него отобьешься. А вот как потом свой грех перед Нилкой будешь замаливать, а, Васятка?!

После утренней проверки новый караул пошел завтракать и готовиться к заступлению на службу. Все же остальные бежали свои традиционные семь верст вокруг учебного полигона и главного форта станицы Николаевской.

– Господ офицеров и старших унтеров прошу быть в ротном штабе сразу же после завтрака, – распорядился Алексей, распуская личный состав в самом конце утреннего развода.

– Ну что, господа командиры, в Александр-шанц мы съездили не зря, – рассказывал в штабной комнате цитадели центрального форта Алексей. – Генерал-майор Ганнибал с нашими доводами по поводу укрепления всей Бугской линии согласился и свою посильную помощь пообещал. Скоро нам можно будет ждать и строительные команды, и пехотных егерей, и даже конный пикинерский полк подойдет для создания второй тыловой линии. Теперь мы сможем высвободить своих людей для пограничной дозорной службы. По егерям с пехотных полков и роте с батальона Мекноба, что нам сюда временно передают, тут у меня никаких вопросов нет. Мы их разместим в самой станице и, пожалуй, в этом главном форту всей нашей линии. А вот для конно-пикинерского полка места для постоя здесь уже точно не хватит. Но и в чистом поле они ведь тоже не смогут долго стоять. Какие у кого мысли по этому поводу будут?

– Думаю, в Мешково самое удобное место для них, – задумчиво вглядываясь в расстеленную на столе карту, проговорил Живан. – От нас до него всего-то около восьми верст, само же оно почти что посередине всей линии и прямо за нашей спиной стоит. Там, кстати, рядом и через речку Ингул брод удобный, а значит, не нужно будет и крюк для обхода давать. Буде вдруг какая тревога, так наши вестовые уже через четверть часа в нем с сообщением будут. А в хорошую погоду так и от нас им сигнал станет виден, местность-то ведь в округе вся открытая. Домов для постоя в том селе предостаточно, ну возведут они, конечно, немного загонов для своих лошадей и всяких прочих строений, но это уже так, мелочи.

– Да, хорошее место, – согласились остальные. – И оттуда им будет удобно перехватывать любой летучий отряд турок, если он опять выскочит в сторону Крыма.

– Согласен, – Алексей сделал запись в рабочем журнале. – Ну вот, значит, мы здесь сообща с вами подумали и решили: предлагаем Ивану Максимовичу Синельникову, командиру полка Херсонских пикинеров, квартироваться в селе Мешково. Теперь по поводу трофейных судов, Макарович, проверь-ка ты их сам, лично, они вот уже год как хранятся у той самой пристани, где мы турок хорошо эдак побили. Как только могли, местные рыбаки их там починили и прикрыли сверху навесом. Но все равно проверить, осмотреть бы их все самым тщательным образом не мешало. Если все получится так, как мы задумали, то к нам сюда совсем скоро начнут и казаки-сечевики подходить. Я в Елисаветград давно уже рапорт отправил на привлечение их к патрульной службе на реке и под нашим началом, а вот теперь и генерал-майор Ганнибал тоже пообещал с этим помочь. Как бы к ним сейчас строго ни относились после разгона Запорожского казачьего войска, однако начальство, оно ведь тоже прекрасно понимает, что сечевики – хорошие, опытные воины, и если их природную вольницу в узде держать, то они вполне даже могут еще здесь пригодиться. Да и занять делом было бы их правильно, чтобы они не уходили, как, вон, некоторые, обиженными на всех русских да к басурманам на туретчину. Так, далее, что у нас там по обустройству линейных фортов?

Отвечающий за это поручик Гусев печально развел руками:

– Из заложенных нами шести до полной готовности не доведен пока что еще ни один. То же можно сказать и по самому главному центральному форту в Николаевской. Валы, конечно, везде отсыпаны, рвы перед ними выкопаны, корзины с камнями и землей с внешних сторон везде выставлены, и на этом у нас дальше все встало. На внутреннее оборудование укреплений просто уже сил не хватило. Только вот здесь, на центральном форту в станице удалось нам отстроить что-то вроде серьезной внутренней цитадели. Ну, вы и сами все это видите, именно здесь-то мы сейчас с вами и сидим, – и он кивнул на толстые саманные стены помещения. – Работы всюду непочатый край, а вот рук у нас на нее не хватает. Потому как приходится кроме этого еще и нести пограничную службу. Вон, в мае попробовали было снять с линии людей на работы. И чем это все для нас обернулось? Целый конный отряд турок в три сотни сабель переправился разом вплавь через Буг да и ушел на рысях в сторону Александр-шанца, а потом и дальше по степи к Крыму. Так, говорят, и не удалось его потом ведь разбить. Где-то под самим Перекопом маненько их вроде бы как постреляли, и все равно они потом на полуостров через соленый Сиваш прорвались. Не зря же из Елисаветграда та ругательная бумага к нам потом пришла.

– Да-а, попробовало бы то высокое начальство перехватить этих басурман! – проворчал Бестужев. – Тут только лишь сплошной забор у берега городить, да и то он вряд ли нам здесь поможет.

– Начальство всегда право! – нахмурился Егоров. – На то оно нам и дано, чтобы за все с нас спрашивать, как, вон, и мы со своих солдат. Сами хороши, понадеялись, что весенний разлив у Буга еще долго не спадет. Дескать, не сунутся к нам покамест турки, недели две еще можно быть спокойными. А вот нате вам – получите! Там, на том берегу, небось, тоже не дурак, и нас они уже прекрасно научились просчитывать. Так что теперь всегда нам это наперед необходимо будет учитывать. У нас ведь здесь мира никакого нет, и тайная война будет постоянно на пограничной линии идти, а в ней побеждает всегда и только лишь тот, кто хитрее противника, и тот, кто на ход, а лучше даже на два наперед все умеет просчитывать. Повторный ведь прорыв потом не удался у них, аж два десятка разом тогда турки потеряли и к себе быстро откатились. Так что думать, все время думать нам нужно. А то начальство, видишь ли, во всем виновато!

Бестужев только лишь хмыкнул и обиженно засопел.

– С материалом, особенно с лесом, у нас совсем худо, ваше высокоблагородие, – посетовал главный ротный интендант. – На Днепре ведь гораздо проще, там с верховьев его плотами сплавляют. Я вот давеча, когда мы в Александр-шанц вместе с вами ездили, интересовался там у знакомых, так они мне поведали, что генерал-майор аж десять рот в лесные районы на Припять, на лесную заготовку отправил. Конечно, чего им там, в той крепости-то, тужить, когда у них там лес огромными штабелями, аж до самого неба наложен. А мы вот тут каждое бревношко и доску оглаживаем, прежде чем ее на место куда пристроить. А лепим все больше из глины и г..., простите, сами знаете, из чего еще. Не было бы рядом известняка и камней, так одним бы саманом пришлось обходиться. Места у нас здесь голые, степные, откуда тут лесу для построек взяться? – вздохнул он грустно. – Так что, господин премьер-майор, со смотровыми и сигнальными вышками для линейных фортов придется нам пока повременить. Ладно, хоть в главном ее сладили. Летом от Днепра нам сюда лес не дотащить, это нужно, чтобы хороший снег для начала выпал, да потом уже и сам путь накатать. Потом, стало быть, и бревна да всякую доску или брусся на больших санях сюда затащить.

– Ваше высокоблагородие, а как нам с орудиями быть? – поинтересовался главный оружейник. – Сейчас на каждом из фортов у нас по одному фальконету установлено, а десятифунтовый единорог с трофейным шестифунтовиком при центральном форте состоит. Не получится ли так, что как только сечевые казаки начнут кончебас с баркасами восстанавливать, так сразу же себе их запросят? Мы ведь совсем тогда безо всякой артиллерии останемся. Вот

жалко, что их превосходительство тот полупудовый единорог повелел у нас забрать. Как бы он нам сейчас тут пригодился!

Кругом были трудности, и их нужно было как-то преодолевать. Легко и быстро обустроить Бугскую линию никак не получалось.

Глава 3. На линии

– Через три дня я уже вернусь, не скучай и не волнуйся, моя хорошая, – успокаивал жену Алексей. – Сама ведь знаешь, никак тебе нельзя сейчас беспокоиться! И тяжести смотри, тоже не вздумай таскать. А чтобы не скучно дома одной было, вон, Милицу пригласи погостить, ей-то все равно там, в родительском доме, тошнотно. Тетя с мамой постоянно стрекозу донимают и воспитывают. Вот как только я с линии вернусь, обещаю, долго подле тебя буду.

– Иди уже, – улыбнулась Катарина. – Вон тебя Данила у калитки заждался, какой раз уже через плетень выглядывает. Осторожней только сам будь. Мы будем тебя очень и очень ждать, – и она погладила округлившийся животик.

Лешка обнял жену и быстро вышел за ограду.

– Давай, Даня! – он перехватил у вестового поводья уздечки и заскочил на коня. – Трогаем! Где там нас дозор будет ждать?

– Напротив заросшего острова, возле нашего стрельбища, вашвысокоблагородие, – ответил Данила. – Федор Евграфович самолично его сегодня по линии ведет.

Проскочив по хорошо набитой дороге на юг, через несколько минут увидели полтора десятка спешенных всадников во главе с командиром первого отделения дозорного конного плутонга, капралом Воробьевым. Лошади стояли под седлами у раскидистых раkit и срывали редкую в это жаркое время года зеленую травку. Ту, что еще как-то сохранилась в тени деревьев. Сам Лужин был на стрелковом полигоне, расположенном в трех сотнях шагов от спешенного конного дозора. Оттуда доносились ружейные хлопки и громкие команды. Алексей поздоровался с егерями и, передав поводья вестовому, пошел на звук выстрелов.

– Вторая шестерка, на исходный рубеж, бегом марш! – скомандовал руководивший стрельбами поручик Гусев.

Группа егерей в сопровождении капрала Васина побежала на дальний конец поля.

– Капрал, распределите людей по парам и командуйте! – крикнул вслед стрелкам Сергей.

– В одну шеренгу становись! – подал команду своим стрелкам Васин. – На первый, второй рассчитайся!

– Первый, второй; первый, второй; первый, второй, – слышалось от солдат. – Расчет окончен!

– Внимание, егеря, сейчас вы бьете две сотни шагов по этому полю растянутой цепью, – инструктировал стрелков капрал. – Да не просто так вот несетесь со ртом нарасхлебьянь, а с большой оглядкой и с полной готовностью к бою. Чтобы ежели вдруг перед собой какого неприятеля углядели, так сразу бы смогли в него начать стрелять, прямо вот сходу. Так что ружью у вас или в правой руке должно быть накрепко зажато, или пусть даже и в обеих, но вот только чтоб ствол его всегда смотрел строго вперед, ну или же вверх, и никуда более. Хоть курок у него и не на боевом взводе, но ведь всякое же в жизни бывает, а вдруг вы подняли его в суматохе. Так что лучше вам в этом деле будет лишний раз поостеречься. Не дай боже на какой кочке у вас вдруг рука дрогнет, и этот курок с боевого взвода по огниву ударит, а неровен час, ствол фузеи в это время, вот как назло, на вашего товарища будет направлен. Греха потом ведь не оберешься, ребята! Так что зарубите у себя на носу – ствол вашего ружья всегда должен быть направлен только лишь вперед и туда, где нет наших солдат, ну или каких-нибудь других людей, кроме неприятеля! Все ли я вам понятно объяснил?

– Понятно, понятно, – закивали головами стрелки.

– Ну, коли вам понятно, тогда разбились все по парам. Первый номер будет за главного, а второй его прикрывает. Расстояние между парами – две сажени. Готовься! – капрал повысил голос и помахал рукой Гусеву.

– К первому огневому рубежу – марш! – командовал поручик, и три пары с оружием наизготовку побежали к первому огневому рубежу.

– Сторожко бязим, по сторонам глядим! – поучал стрелков Васин, следуя от них сбоку. – Дышим глубоко грудью и не дергаемся! Стой! – командовал он у первого столбика. – Тут у нас стрельба сидя, вернее, если по-правильному, с колена. Первый номер бьет в свою мишень сразу, а второй в это время его оберегает и выбирает свою цель. В первую очередь вы отстреливаете тех, кто для вас опасен и целит в вас, потом выбиваете неприятельских командиров, ну а уже потом знаменосцев и канониров. Первый отстрелялся и заряжается, а второй, пока он ведет огонь, выжидает и присматривает за полем боя. Как только он услышит, что щелкнул курок взвода у напарника или что он крикнул вам, что уже зарядился, то «вторые» тоже могут начинать стрельбу. А потом их прикроют первые. Конечно, бой бывает разным, и не всегда так нужно действовать, но для начала вы осваивайте вот такой навык.

– Огонь! – донеслась команда от поручика.

– Целимся лучше, братцы, три сотни шагов – это большое расстояние, – поучал своих солдат капрал.

«Бах! Бах! Бах!» – грохнули три фузейных выстрела.

– Зарядка, зарядка, быстрее работаем, первые номера! Вас вторые уже заждались, у них, вон, пальцы на спусковой скобе занемели, – поторапливал Васин.

– Заряжено! Заряжено! Заряжено! – донеслось от цепи.

– Вторые бьют без команды, – напомнил капрал. – И у них сразу же потом зарядка «быстрой пулей»!

«Бах! Бах! Бах!» – ударили почти что залпом три ружья, и через несколько секунд послышался стук ударов шомполов о внутренние стенки стволов.

– Заряжено! Заряжено! Заряжено! – донеслось от стрелков.

– Ко второму огневому рубежу – марш! – командовал Гусев, и егеря, разобравшись в цепь, побежали к следующему столбику.

– Две сотни шагов до мишени, стрельба лежа, выравнивайте дыхание, братцы, а то точно мимо стрельнете! – поучал егерей Васин. – Стрельбу ведем так же, как и до этого: первый бьет, а второй его в это время бережет. Это ладно здесь вот, на учениях, мы тут делаем все по правилам, шаг за шагом повторяя все изо дня в день, но ежели на поле боя второй номер вдруг какую опасность увидел, то он тогда перезарядку «первого» не ждет, а бьет в ту опасную цель сразу же. В линию, все в одну линию легли, вот на солому пристраивайтесь, чтобы мундиры не запылить!

– Огонь! – донеслась команда руководителя стрельб. Коротким залпом хлопнули все три выстрела, а секунд через тридцать уже вразнобой ударили и еще три.

– К третьему огневому рубежу – марш! – командовал поручик.

– Третий рубеж, стоя, он самый трудный, хотя до мишени всего-то сто шагов! – напоминал егерям капрал. – Дыхание от бега и от быстрых перезарядок у вас уже сбито. Чтобы стоя и с твердостью держать тяжелое ружье, на это ведь особая сноровка нужна. Так что вы не спешите и спусковой крючок резко не дергайте, иначе ваша пуля вниз уйдет.

Цепь встала у третьего столбика.

– Огонь! – донеслось сзади, и два раза, залпами по три выстрела в каждом, ударили егерские фузеи.

– На четвертый рубеж – марш! – раздалась команда руководителя стрельб, и цепь устремилась к последнему столбику, установленному неподалеку от мишеней.

– Все, самый последний, пистольный огневой рубеж вам остался, – запыхавшись, напоминал бегущий сбоку от цепи Васин. – Короткий ствол, братцы, вам тогда пригодится, когда у вас ружье разряжено, а вражина уже совсем рядом. – У малого колышка вы сами, безо всякой

команды вытаскиваете свой пистоль из кобуры и на бегу взводите на нем курок, а уже у самого большого столба встаете и стреляете каждый в свою мишень.

Егеря подбежали к четвертому огневому рубежу и разрядили свои пистолеты в близкие мишени.

– Пистолы в кобуру, ружья на ремень! – скомандовал капрал. – Ваше благородие, третья стрелковая смена свою стрельбу закончила. Готовы к осмотру мишеней.

– Давай-ка мы вместе с вами посмотрим? – Алексей кивнул Гусеву, и они побежали к деревянным щитам.

За ними же следом неся и командир конного дозорного плутонга, подпрапорщик Лужин.

– Первая мишень – два пробития, – поручик показывал на отверстия в белом полотне, обводя и заштриховывая их угольком. – Вот гляди, Филимон, третья пуля у тебя сильно вниз ушла. Смотри, вот она в двух вершках от ноги ударила, – и он вставил палец в отверстие. – Видать, ты спусковую скобу сильно дернул. О-о, а вот тут совсем плохо! – покачал он головой, оглядывая вторую мишень. Одна пуля хорошо прямо в центр фигуры вошла, вторая в дюйме от плеча ударила, а двух так и вообще даже не видно. Плохо, Федот, очень плохо! Третья стрельба подряд, и все вот с таким же результатом. Будешь и дальше так воевать, в интендантскую команду мы тебя спишем. Хотя и у них там стрелять тоже ведь нужно уметь. С тебя и там Степан Матвеевич тоже ведь не слезет!

Из всей шестерки только у одного егеря мишень была поражена всеми четырьмя выстрелами.

– Вот, берите пример с Лабзина Макара, – поручик похвалил невысокого, чернявого егеря. – У него все время мишени в дырках, редко когда пуля мимо пролетает. Всего год он у нас, а стреляет не хуже заслуженных ветеранов. Молодец, рядовой, будешь так же и дальше стрелять – штуцер получишь, а там, глядишь, и в команду отборных наших стрелков даже войдешь!

– Рад стараться, ваше благородие! – вытянувшись по швам, гаркнул егерь.

– Ладно, Сергей, вы тут продолжайте, – кивнул Гусеву Алексей. – Поехали мы, нужно успеть дотемна к южному лиману добраться. – Пошли, Федор! – позвал он стоявшего рядом с поручиком Цыгана. – Насмотрелся, как тут молодые стреляют? Небось, наперед для себя здесь людей приглядываешь?

– Да вон того, чернявенького, я бы, конечно, себе в дозорные взял, – согласился с командиром Лужин. – Стреляет он хорошо, сам шустрый и, главное, не робеет никогда. Егозистый такой паренек, – с одобрением в голосе протянул командир конной разведки.

– Егозистый, – хмыкнул Лешка, перепрыгивая через пересохшее русло ручья. – Себя, что ли, в нем вспомнил? Нужно, чтобы солдат и дисциплину, и порядок, и воинский устав знал.

– Не-е, вашвысокоблагородие, я ведь дисциплину завсегда шибко уважал, – важно пробасил Цыган. – Да как же без нее можно? Без нее и никакой службы не будет! Один лишь разор и шатание, а ведь это обернется большой кровью в бою. Однако и шустрость с разумной удалью тоже у разведчиков должны быть.

– Ладно, дисциплинированный ты наш, – усмехнулся майор. – Командуй своим подъем, да поехали, а то вон они под ракетами уже без задних ног, небось, дрыхнут.

– Дозор, по коням! – рывкнул подпрапорщик, и мигом вскочившие со своих мест егеря бросились к лошадям.

– Хм! – Алексей покачал головой.

Минуты не прошло, а все дозорные были уже в седлах.

– Поря-ядок!

К вечеру пройдя по кордонной линии на юг до самого крайнего форта, расположенного у хутора Лупарево, Алексей отдал команду дозору готовиться на ночлег.

– Как у вас тут, на этом дальнем посту, Евсей? – поинтересовался он у старшего дежурной смены.

– Все спокойно, ваше высокоблагородие, без замечаний, – доложил капрал. – Чужих за эти дни мы пока что не наблюдали. Три дня назад с морского залива пара судов в речное гирло зашли, но они ближе к тому берегу держались. Здесь ведь расстояние до османской стороны где-то около десяти верст будет, не больно чего и разглядеть отсель можно. Дале-еко очень! А так-то спокойно пока все. Рыбаков вот только из местных пару недель назад шальная галера шибко гоняла, так они к нам ближе подгребли, ну а мы из фальконета по ней пару раз бахнули. Турки развернулись и к себе сразу ушли. После этого мы их более уже не видели.

– Как станичники, не ерепенятся? – кивнул он на обступивших дозорных егерей казаков.

– Да не-ет, ваше высокоблагородие, – помотал головой капрал. – Хороший этот десяток. И приписной у них из первого донского что надо. В руках он свое воинство держит. Без всяких там заноз они все то, что нужно, делают. Мы попеременно с ним наших людей в общих командах мешаем и потом этот сборный дозор из казаков и егерей по всей линии отправляем. Вниз на верст пять-шесть они сообща ходят, а потом так же и вверх до самого соседнего поста. Вот только недавно с очередного объезда сюды вернулись. Поужинаем, и как только совсем стемнеет, то там уже новый ночной дозор вдоль самой реки пойдет.

– Всего ли у вас в достатке или вам еще чего здесь нужно, Евсей? – Алексей спустился с вала в ров и пошел вокруг укреплений.

– Да пушчонка у нас уж больно слабая, господин майор, – кивнул на выглядывающий в сторону реки ствол фальконета капрал. – Чего там, всего лишь три фунта в ем будет. Ядрышки с некрупное яблочко, за пять сотен шагов они ведь даже и борт у галеры не пробивают. Сами своими глазами видели, как они от него отскакивают. А если картечью из него бить, так всего с горсточку ее в ствол помещается. Нам бы хоть фунтов на шесть сюда единорог для усиления обороны? И вышку тоже сладить не помешало бы. Места тут, конечно, все открытые. Видно далеко вокруг, что в степь, что на лиман, вон, гляди. А была бы она тут высотой, ну, хоть сажени в три, так и вообще бы все хорошо оглядывалось из нее. А уж дым с такой вышки с соседнего поста сразу же стал бы виден. Не, ну так-то, конечно, и эта вот сигнальная чаша помогает, – кивнул он на полуторасаженную конструкцию, выстроенную из жердей и с закрепленной на самом ее верху большой жаровней. – Когда пару месяцев назад нас тут на прочность турки проверяли, хорошо мы из нее дыманули. Ребятки с соседней заставы быстро к нам прискочили, а через часа два сюда и конный плутонг с казаками подоспел. Турки постреляли было с судов, но так ведь и не решились на берег высаживаться. Эх, была бы у нас тут пушка хорошая, – вздохнул печально Колокольников. – Точно бы мы какую-нибудь посудинку притопили бы у берега.

– Ваше высокоблагородие, я вам сена свежего настелил, может, пойдете опочивать? Поздно ведь уже! – Данила переменялся с ноги на ногу за спиной у Егорова.

– Ты иди, отдыхай, замаялся сам, небось? А я пока еще здесь постою, – ответил ему Алексей. – Душно, ветра нет, вон от ствола, как от печки, теплом веет, – пошлепал он по нагретому стволу фальконета.

– Зато слышно в такую ночь далеко, – тихо проговорил казак, сидящий на самом верху укреплений. – В такую ночь даже шаги человека можно издали расслышать, а уж скрип уключин или стук оружия об борт судна так и вообще на реке аж на целую версту разносится. Вон, лошади вроде и далеко от нас пасутся, а как какая вдруг всхрапнет, так я поневоле за ружжо хватаюсь, – кивнул он на свой карабин. – О-о-о, кажись, кто-то со стороны лимана скачет. Должны бы наши.

Дежурная пятерка тем не менее насторожилась и взяла свои ружья наизготовку.

Издали послышался условный свист, и часовые расслабились.

– Точно, наши скачут по береговой тропке, – кивнул в южную сторону казак. – Скоро они мимо пройдут, а потом в сторону соседнего поста двинут.

И точно, минуты через две мимо форта вдоль берега промелькнули пять теней, и, перекинувшись парой фраз с часовыми, дозорные ускакали дальше.

– Ну все, спать.

Усталое тело требовало отдыха. Алексей прошел к укрытому парусиновым тентом центральному строению и протиснулся в свою клетушку. Данила постарался на славу и натащил большой ворох сена. Лешка расстегнул мундир и лег на душистую травяную перину. Спать...

Третью ночевку решили сделать у устья речки Сухой Еланец. Верстах в четырех к северу, у села Федоровское был самый крайний форт всей пограничной линии. Там конный дозор оставался целый день, и, чтобы лишний раз не стеснять гарнизон, на ночевку решили расположиться на природе.

– Вот тут, ваше высокоблагородие, будет самое хорошее место во всей этой стороне, – указал Лужин на большой холм у реки. – Там, наверху, посвежее, чем в низине. Хотя немного, а обдуть нас ветерком будет, да и комаров поменьше.

В камышах у Еланца егеря подстрелили пяток уток. Двух пустили на утиную похлебку, куда закинули прикупленных в селе овощей: мелко порезанную морковь, несколько луковиц, зелень – и сыпанули еще следом несколько полных горстей пшена.

– Для сытости, Ляксей Петрович, – объяснил Егорову Цыган. – Мясо оно мясоем, а вот русскому человеку завсегда крупа нужна. Особливо если у него хлебного каравая с собой нет.

– Трех уток приготовили «по-рыбацки» в глине, так же как и запекают в ней на природе после ловли крупную рыбу. Птицу выпотрошили, внутри хорошо промыли и натерли солью. Каждую тушку, даже не обчищая, обмазали толстым слоем глины и положили на жаркие угли. Где-то через час Быков Егор расколол глиняные формы, и все перья от тушки отстали вместе с глиной. Мясо, запеченное «по-рыбацки», было сочным и очень нежным. Того довольно резкого запаха, который эта дикая птица давала в похлебке, здесь и в помине даже не было. Впрочем, егеря, похоже, этого запаха вообще не замечали. Все они наперегонки метали ложками из двух котлов вприкуску с сухарями.

– Ваше высокоблагородие, а это правда, что такие вот курганы, на которых мы сейчас сидим, в седую старину над павшими в битве вождями насыпали? – молоденький солдатик с любопытством смотрел на Алексея.

– Глебка, вот что ты за человек! Ты дашь господину майору хотя бы поесть спокойно? – проворчал Цыган. – У самого, вон, ложка, как у стрекозы крылья, мелькала. Брюхо свое набил, а теперь вот ему историй на ночь захотелось.

– Извиняйте, ваше высокоблагородие, – потупился в землю молодой солдат. – Кушайте, пожалуйста, а я пока пойду лошадей погляжу.

– Да я все уже, – Алексей обтер чистой тряпицей свою ложку. – Сейчас вот чайку маленько пошмыркаю травяного, и совсем уже тогда хорошо будет, – кивнул он на закипающий над костром котелок. – Сиди, Глебка, это хорошо, что у тебя интерес к историческим наукам имеется.

– Вот в этих самых степях, братцы, где мы сейчас поселились, испокон веков жили люди. Все они были хорошими воинами, в основном конными и кочевыми. Приходили сюда издали, сражались за эту землю, выбивали с нее прежних хозяев, а потом и их выбивали другие. И так сменяли друг друга волна за волной всякие народы. Были тут киммерийцы, скифы и сарматы. Потом пришли с далекого севера готы, которых уже позже выбили гунны. Ну а потом в эти степи хлынули хазары, печенег, половцы и татаро-монголы. Ну и наши предки, славяне, тоже боролись за эти земли. Кто тут только с мечом, с копьём и саблей не проходил за долгие годы!

У некоторых народов, как, например, у царских скифов, действительно были обычаи насыпать над местом захоронения своих вождей или погибших в битвах воинов огромные курганы. В их основании к усопшим клали оружие, украшение, еду и питье в посудах. Даже лошадей, собак и людей умерщвляли и клали рядом. А все потому, что, по их верованиям, все это могло пригодиться умершему в его новой жизни, куда он переходил потом после своей смерти.

– Ой, так это что, так они под нами и сейчас вот эти самые скифы-мертвяки лежат? – поежился солдат. – А это ничего, что мы на их кургане сейчас сидим?

– Не бойсь, Глебка, – усмехнулся Лужин. – Я ведь уже всем давеча рассказывал ту историю, как их высокоблагородие, еще будучи прапорщиком, от таких же вот страхов нас в Валахии вылечил? Это когда мы там ихнего кровопийцу, графа Дракулу в ночном лесу забоялись. Помните, Ляксей Петрович? Ну вот, и еще раз сейчас повторюсь, что бояться только лишь живых людей нужно, да и не бояться даже, а так, скажем, осторожными с ними надобно быть. А от всей этой колдовщины и от всякого темного зла нас православный крест и святое причастие оберегают, потому как мы есть православное русское воинство и находимся под присягой нашей императрице Екатерине Алексеевне. Правда ведь, господин майор?

– Правда, Федор Евграфович, сущую истину ты говоришь, – улыбнулся Егоров. – Да скифы и сами были хорошими воинами, чать не обиделись бы они на вас, на доблестных русских солдат. И на то, что вы тут с таким аппетитом возле них ужинаете.

А вообще, эта окружающая земля очень богатая на всякие древности. Совсем недалеко от этого места, на правом берегу Буга, и как раз напротив нашего самого крайнего, южного линейного форта, там, где мы свою первую ночевку провели, две тысячи лет назад стоял огромный и богатый греческий город Ольвия. Его даже сам «отец истории» Геродот в свое время посетил.

В этом городе тогда проживало более пятнадцати тысяч человек, и он был обнесен высокими каменными стенами. В нем чеканили свою монету с изображением дельфина, а в его гавани умещалось более сотни больших судов. Представляете?

– Две тысячи лет назад и в этих местах был такой огромный город? Вот это да-а! – удивился Глеб. – Вот бы на эту самую Ольвию да хоть одним глазком взглянуть!

– Какая эта там тебе гречанская Ольфия, – подначил солдата Быков. – Ты хотя бы один расейский город сам-то своими глазами видал?

– А как же, в уездном Павловске целых три раза на ярмарке с батюшкой и братьями бывал. А уж как в рекруты загремел, так целых полгода в губернском Воронеже на рекрутской станции в ратном обучении состоял, – с важностью ответил молодой солдат. – А еще мимо Белгорода с Харьковым маршевой командой проходил. Так что я города хорошо знаю!

– Тю-ю, – протянул капрал пренебрежительно, – так это все мы когда-то и где-то чего-то проходили. А вот когда ты крепость или же неприятельский город с войском приступом возьмешь, вот тогда и будешь хвалиться то, что всякие города видел. Солдат, брат, он только занятыми городами должен хвалиться. Правда ведь, братцы?

– Ну да, а чего нет-то, – протянули ветераны, прошедшие своими ногами всю Молдавию, Валахию и северную Румелию.

Глава 4. Старый солдат

Утром, на рассвете, наскоро перекусили вяленным мясом и сухарями, запив все это травяным чаем. Пока запрягали лошадей, Алексей сбежал вниз к реке и, стянув с себя доломан, облил тело прохладной водой. В шагах десяти от песчаного мелководья, там, где он мылся, кусты ракитника вдруг дрогнули, и Лешка даже и сам не понял, как он очутился на берегу с пистолем в руках.

– А ну, кто там есть, выходи с поднятыми руками, не то пальну!

– Не стреляй, старшой, выхожу я! – послышался глухой голос, и из зарослей на прогалину в кустах вышел седоусый, худой дед в рваном кафтане. Одна рука его была раскрыта, а вот другой, приподнятой вверх, он сжимал пехотную фузею. С холма стремглав скатился десяток егерей и взял деда со всеми этими кустами на прицел.

– Ого-о, какие у нас люди! – протянул удивленно Лужин. – Ваше высокоблагородие, вы не узнаете деда?

Лешка всмотрелся в стоявшего перед ним.

– Да это же наш проводник! Вспомните, я его еще как знающего реку с хутора для переправы через Буг привел, когда мы сюда два года назад с Валахии заходили. Он тогда еще от серебра отказался, а вот фузею с собой забрал.

– Теперь вспомнил, – кивнул Алексей. – Кто там еще есть в кустах? Быков, а ну гляньте-ка с ребятами, да только осторожно!

– Только не стреляйте, внук там мой! – хрипло произнес дед. – Мишаня, выходи из кустьев тихонько, только не дергайся! И мушкет свой в лодке оставь!

Из ракитника показался белобрысый паренек, которому на вид можно было дать лет четырнадцать.

– Лодка там, ваше высокоблагородие, старая и вся битая, – доложил вынырнувший из кустов Быков. – Вот в ней чего было, – и он протянул Алексею весьма потертый, облегченный мушкет с фитильным замком.

– Ого, вот это, я понимаю, старина! – удивился Лешка, осматривая весьма редкое оружие. – Неужто вот такой еще и стреляет?

– Заряжается медленно, – проскрипел дед. – Я руки-то опущу, старшой?

– Федор, ты покамест фузею забери у него и нож, – кивнул Егоров на выглядывающую из кожаных ножен на поясе косяную рукоятку.

– Как зовут-то тебя, дед, и от кого вы здесь прячетесь? Ваш же хутор вроде как на той стороне реки?

– Нет больше того хутора, – глухо ответил тот. – Спалили его окаянные наемни, вместе со всеми, кто там был, – и протянул свою фузею Цыгану.

– Как так? – удивился Алексей. – Столько лет на Очаковской стороне этот хутор стоял, и вдруг на тебе.

Дед стоял молча, понунив голову. И в этой фигуре с безвольно опущенными руками, уже безоружной, было столько искреннего горя и отчаянья, что беседующие между собой егеря, рассматривавшие старинный мушкет, все разом притихли.

– Деду Дорофеем кличут, – паренек вышел чуть вперед, словно прикрывая своей спиной старика. – Мы с ним одни остались, всех басурмане посекли, а мы в это время на ловле были. Как дым увидели с реки, так к себе подгребли, а там уже никого в живых нет. Вот только лишь ружья из тайника забрали и похоронили всех, – и он, не сдержавшись, всхлипнул. По чумазым щекам паренька сбегали вниз две дорожки от слез.

Алексею стало не по себе.

– Извиняйте, люди добрые, не знали мы про ваше горе. Пойдемте к нашему костру. Лужин, у нас там еще чего-нибудь на перекус осталось?

– А как же, найдем, вашвысокоблагородие, – отозвался Цыган. – Глебка, а ну-ка давай бегом на курган! Там Илья со Степаном оставались прибраться, так пусть они пока не спешат, мы еще здесь маненько задержимся. И съестного еще пусть из переметных сум достанут!

Молодой солдат понятиливо кивнул и понесся в сторону кургана.

– Пойдемте, перекусите у нас тем, что Бог послал, – позвал беженцев Алексей. – И оружие им, братцы, верните. Верните, верните, – нахмурился он, видя, что Лужин не спешит с исполнением приказа. – Не видишь, что ли, сам по людям, Федя, что не по нам эти стволы будут стрелять.

Большого изобилия в еде уже не было, но на перекус ее двум людям вполне даже хватило.

– Господин офицер, дозволейте к вам обратиться? – дед Дорофей подошел к стоящему в стороне от всех Алексею.

– Обращайся, – Лешка внимательно посмотрел на пожилого человека.

– Внук у меня. Это последнее, что в этом мире мое осталось. Ради него только мне жить теперь надобно, – горько вздохнув, проговорил он. – Не было бы Мишани, к Очакову бы пошел с ружжом. Трех али четырех турок точно бы приземлил, а так, видать, повременить пока с этим придется. Я слышал, что вы в Николаевской сами стоите, рыбаки с левого берега вашу рать шибко хвалили. Говорят, не забирают местных людей и воины хорошие. Османам, дескать, не раз уже от вас доставалось. А сегодня вот я и сам в этом убедился. Видно же сразу, что воинство справное. Просьба у меня к вам будет, господин охфицер, возьмите нас к себе. В солдатчину-то чтобы пойти, мы с внуком не годимся, но вот полезными быть – это можем. Птицу, дичь с ним добывать будем, рыбалить опять же, ну и так, по хозяйству ежели где, тоже ведь вам пригодится? Я, вон, за эту жизнь две свои хаты и еще две для детей вот этими самыми своими руками построил, – показал он мозолистые ладони. – Вы не смотрите, господин охфицер, что я весь седой и шибко высохший. Глаз-то у меня зоркий и рука еще пока твердая, – и он неожиданно ловко выхватил из-за спины фузею.

«Бах!» – грохнул ее выстрел, и шагах в ста от кургана на землю с неба упала сбитая ворона.

– Отставить, егеря, все нормально у нас! – Алексей успокоил вскочивших с ружьями наизготовку солдат. А Дорофей как ни в чем не бывало уже засыпал в дуло фузеи порох из матерчатого, скрученного «колбаской» патрона. Прошло секунд пятнадцать, и, закончив перезарядку своего ружья, он опять закинул его себе за спину.

– Не промокает у реки? – Лешка кивнул на тряпицу от самодельного патрона, которую дед аккуратно убрал в карман.

– Она у меня на воске вся, хорошо пропитанная, – покачал тот головой. – Только если окунуться в воду, а вот так-то долго сырость держит.

– Как тебя по отчеству-то кличут, Дорофей? – Лешка с прищуром смотрел на деда.

– Архиповичи мы, – солидно ответил тот.

– Вот я и думаю, что не все ведь ты мне про себя рассказал, Дорофей Архипович, – покачал укоризненно головой Алексей. – Совсем не простой ты человек. А вот как мне в военном подразделении быть рядом с тем, кому я не доверяю? Ну, вот сам посуди? А ну говори правду – был солдатом?! – рявкнул он вдруг стальным голосом.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – вытянулся по швам дед. – Капрал Архангелогородского пехотного полка Леонтьев Дорофей! Воевал под началом генерал-фельдмаршала Миниха в турецкую кампанию императрицы Анны Иоанновны. После замирения, при выходе из Валахии на свою землю был пленен татарами. Места эти я хорошо еще по осаде и при обороне Очакова знал. Бежал из татарского полона и был ранен. Подобрали, укрыли от басурман и

излечили местные рыбаки. Ну а там я уже женился и осел здесь, у этого Буга. Опосля детишки уже пошли. Ну вот куда мне было возвращаться со всем этим своим обозом да в родной полк? Али нужно было их одних здесь бросать, словно бы кутят? – старый солдат будто оправдывался перед Алексеем.

– Нда-а, – протянул Егоров. – А я думал, что у меня Карпыч с Макаровичем самые старые в роте служаки. Сколько лет-то тебе нонче, капрал?

– Так шестьдесят третий уже пошел, ваше высокоблагородие, – ответил дед. – А в рекрутчине я с восемнадцати годков. Семь лет под ружжом в строю был.

– Хорошо сохранился ты для своих лет, солдат, – усмехнулся Лешка. – Вон, и навыки свои ратные совсем не утратил. Я ведь даже по способу зарядки фузеи сразу же понял, что ты сам из служивых. Руки, они же ничего и никогда не забывают!

– Так точно, ваше высокоблагородие, – согласился старый солдат. – Руки все помнят. Да и тело, вона, как само собой во фрунт встало.

– Так, и что же нам с тобой делать-то теперь, Дорофей Архипович? – задумчиво проговорил Алексей. – Ежели я тебя к себе пристрою, и коли до начальства твоя история дойдет, то мало нам обоим с тобой не покажется. У военного ведомства ведь срока давности вообще никакого нет. Покамест солдат не помрет или же в богадельню по состоянию здоровья не будет списан, то он все время при государевой службе состоять должен.

Про это Алексей знал не понаслышке. Еще в «Рязанке», на занятиях им рассказывали об особенностях службы в русской императорской армии. Первые рекруты служили в России пожизненно, до тех пор, пока им позволяли это их силы и здоровье. Потом они списывались на «доживание» в богадельни или в инвалидные команды. Но постепенно сроки этой службы начали сокращаться. Уже под самый конец царствования Екатерины Великой, а именно с 1793 года, солдаты стали служить по двадцать пять лет, а еще через полвека им полагалась действительная служба в два десятка лет, и еще пять было необходимо пребывать в запасе. Чуть позже этот срок службы еще снизили до пятнадцати лет, в том числе три года с пребыванием в запасе. И уже в самом конце рекрутчины, уже после отмены крепостного права, солдаты служили десять лет ратно, и пять лет они потом находились в запасе. Но сейчас-то на дворе было лето 1777 года, а это означало, что старого капрала следовало отдать для разбирательств с рапортом по команде и для дальнейшего использования его военным ведомством.

Лешка посмотрел на деда. Нет, никому и ничего он докладывать не будет.

– Капрал Леонтьев, язык за зубами держать умеешь?

– Ну а как же не уметь? – усмехнулся тот. – Я бы и вам ничего не сказал, ваше высокоблагородие, да уж больно ловкий вы командир.

– Умеешь, умеешь, – согласился со своими мыслями Лешка. – Я это еще по нашей первой встрече, два года назад, при переправе через Буг отметил. Значит так, дед Дорофей, принимаю вас к себе в роту как вольнонаемных. Если что, ты с внуком сам будешь из бывших православных подданных султана, бежавших из османского, очаковского правобужья и от верной смерти. Что, собственно, так-то оно, в общем-то, пожалуй, и было. О своей давней службе в Архангелородском полку знаешь только ты и я, и больше никто! Это понятно?! Иначе за Мишаней твоим больше некому будет уже приглядывать. Все ли уразумел?

– Так точно, ваше высокоблагородие, – встал по стойке смирно старый солдат. – Есть держать язык за зубами! Да я ведь и сам неразговорчивый, все правильно вы сказали.

– Ну, вот и отлично, – кивнул Алексей. – А твое знание правого Очаковского берега нам может еще весьма пригодиться, и за своих близких ты, Дорофей Архипович, придет время, с турками посчитаешься, уж это я тебе обещаю! Лужин, у вас там все готово? – крикнул он, обернувшись к егерям.

– Так давно ведь уже, вашвысокоблагородие, – отозвался Цыган. – Мы только вас ждем, когда вы там поговорите.

– Да поговорили уже, – усмехнулся Алексей. – Принимайте пополнение, Леонтьев Дорофей Архипович, из казаков. Будет со своим внуком у нас в роте в статусе вольноопределяющихся. В тыловую группу к Ускову Степану я их определяю. А с лодкой что будешь делать, дед Дорофей?

– Дык худая она у меня, ее всю смолить нужно, а пока, думаю, лучше уж запрятать подальше, – отозвался Леонтьев.

– Подпрапорщик, выдели трех егерей в помощь деду, вам на все про все двадцать минут времени, потом их сажают на двух выючных лошадей, и трогаем в станицу, – распорядился Алексей. – Все, время пошло, быстрее, братцы. Хотели, вон, по холодку, с утраца ехать, а получилось опять по самой что ни на есть сильной жаре.

Глава 5. Тульские штуцера

– Ох ты, как энти кибитки-то в пути запылились! – качали головой караульные, пропуская повозки в станицу. – Чегось, Иван Нилович, прямо из самой Рассеи к нам сюды анжинеры с мастеровыми прибыли?

– А чего бы и нет? Из нее, родимой! – подкрутил усы капрал Луковкин. – Коли уж мы у самой матушки императрицы Екатерины Алексеевны на примете. Господи, даруй ей здравия и многая лета! – и он, стянув с головы картуз с нашитым на него волчьим хвостом, перекрестился на виднеющийся крест станичной церкви.

– Премьер-майор Егоров Алексей, командир отдельной особой роты егерей и старший всей этой пограничной Бугской линии, – Лешка приветливо кивнул высокому, худощавому мужчине в дорожной статской одежде.

– Обер-инспектор Императорского Тульского оружейного завода Иоганн Шольц, – сухо процедил сквозь зубы гость. – А это со мной, – кивнул он себе за спину. – Там мастер Юрий и два его рабочих. Я надеюсь, у вас здесь будут сносные человеческие условия для проживания и работы?

– Сделаем все, что в наших силах, господин Шольц, дабы вам у нас было как можно удобней, – пообещал инспектору Алексей. – Данила! – крикнул он вестового и показал на запыленных путников. – К нам гости прибыли аж из самой Тулы. Беги быстрее к Степану Матвеевичу, пусть он подумает, где бы их нам разместить получше. Особенно о господине инспекторе надобно будет побеспокоиться.

– Обер-инспекторе, – высокопарно поправил его Шольц.

– Особенно об обер-инспекторе пусть он побеспокоится, – с легкой улыбкой поправился Лешка. – Господа, вас сейчас накормят, разместят и возьмут все дорожное на стирку. А уж о деле давайте мы завтра будем говорить?

– Хорошо, – милостиво согласился Шольц. – А то мы действительно весьма утомились за это долгое путешествие в столь дикий край.

– Капризничать изволит господин анспектор, – докладывал на вечернем сборе старших командиров главный ротный интендант. – Мы уже ему и чистую избу на квартирование нашли с добрыми хозяевами, и лучшую еду, какую только могли, приготовили, а ему все никак не угодишь. Дыра, говорит, она и есть дыра. Купальня ему какая-то особенная потребовалась. Я говорю: «Дык купаются-то у нас и солдаты, и сами господа офицеры на реке». А он чегой-то дураком на меня обзывается. Можя, я и сам, конечно, не так чего понял?

– Да все ты правильно понял, Матвеевич, – хмыкнул Бестужев. – Алексей Петрович, разреши мне с этим индюком самому с глазу на глаз переговорить и на место его поставить? А то я знаю, у тебя ведь надолго терпения не хватит, доведет, так ты же его строить начнешь. Думаю, что у меня здесь получше получится. Как-никак, а ведь не зря же мой дядя в главных инспекторах в его ведомстве служит. Уж, чать, найду я общий язык с этим немцем!

То ли правда «язык» был найден, то ли инспектор отдохнул от долгой дороги и немного пришел в себя, однако дальше он вел себя в кругу офицеров достаточно уважительно. А уж с поручиком Бестужевым господин Шольц так и вовсе был сама учтивость и любезность.

– Господа офицеры, мы прибыли сюда по высочайшему распоряжению для проведения у вас здесь войсковых, полевых испытаний, – пояснил всем собравшимся Иоганн. – А испытывать мы будем вот это самое оружие, – и он достал из мешка ружье с укороченным стволом, все лоснящееся от масла.

– Перед вами опытный образец егерского штуцера, который готовится нынче у нас к выпуску серийными партиями. Его родоначальником был винтовальный карабин, принятый

на вооружение двумя годами ранее. И вот перед вами следующее наше детище. Его калибр шесть с половиной линий (16,5 мм.). Длина ствола чуть больше аршина, и полный вес – десять фунтов (4 кг). Общая длина штуцера, если быть совсем точным, – сорок шесть с половиной дюймов или чуть меньше четырех футов (1160 мм).

Прицельное приспособление здесь состоит из железной мушки и целика в виде вертикальной планки с прорезью. Сам ствол восьмигранный и, соответственно, сделан с восьмью полукруглыми, глубокими нарезками.

– Разрешите?

Алексей потянулся и взял в руки детище русских оружейников, настоящий отечественный нарезной штуцер. Здесь было все как и у иностранных образцов подобного оружия: массивный нарезной ствол, латунный прибор, ударно-кремневый замок с выступающим курком, крепкое ложе и приклад из березы или клена, окрашенный в черный цвет. А вот и то, что указывало на принадлежность этого оружия к русской империи. На затыльнике приклада был выгравирован вензель императрицы Екатерины II, а на замочной доске стояла надпись «Тула» и год изготовления «1777». Все солидно, надежно и ничем с виду не уступает «иностранцам». Единственный и явный недостаток – это невнятные прицельные приспособления. На том же прусском или на валлонском штуцере есть неподвижная и еще откидные планки-целики, которые дают возможность брать более уверенный дальний прицел.

«И ствол у него уж больно короткий», – думал Алексей, проводя указательным пальцем по дульным нарезам.

– Господин обер-инспектор, позвольте вопрос? Подпоручик Хлебников, – представился молодой офицер. – А это уже законченный образец и к нему ничего более не будет прилагаться?

– Что вы имеете в виду, господин подпоручик? – со снисходительной улыбкой протянул Шольц. – Перед вами вполне себе готовое изделие, которое уже закладывается у нас к выпуску серийными партиями. Нет, ну, конечно, тут нет еще приспособлений для обслуживания штуцера. Тех, что предназначены для его чистки и для устранения мелких неисправностей в полевых условиях. Ах да, – усмехнулся он, – тут нет еще плечевого ремня для его переноски. Но какие могут быть сложности, господин подпоручик? Вот посмотрите, – и он взял в руки винтовальное ружье. – На прикладе у нас есть шпенец, а на ложе – кольцо для его крепления. Пристегиваем к ним ремень, и все-е...

– Вы меня неправильно поняли, – нахмурился Вячеслав. – Мы прекрасно все это здесь видим. То, что к штуцеру идут и ремень, и приспособ для чистки и обслуживания, и пулелейка, и шомпол, даже молоток и кожаный пластырь для оборачивания пули. Все это мы прекрасно знаем, господин обер-инспектор. Но меня сейчас интересует, а есть ли тут в комплекте штык-кортик? Просто вот креплений для него я не разглядел.

– Штык-то вам для чего тут, господин подпоручик? – удивился обер-инспектор. – Это ведь оружие для дальней и точной стрельбы, а не для ближнего боя в пехотных колоннах! Да и вооружены им будут только лишь унтер-офицеры егерских батальонов. У них на вооружении есть пистоль и тесак, ну или сама сабля, он тоже может быть.

– Я обер-офицер и лично владею подобным оружием, – Славка показал Иоганну свой австрийский штуцер. – Вот этот штык, – и он постучал по клинковым ножнам, нацепленным на ремень, – несколько раз спас мне жизнь в ближнем бою. И если бы не он... – и Вячеслав покачал головой. – Мы очень часто в предыдущую турецкую кампанию сходились с неприятелем в ближней сшибке, и те события показали, что без одного приспособления на штуцере никак нельзя воевать. Тем более что его всегда можно убрать со ствола, дабы он не мешал зарядке и дальнему бою. Вон, вы сами господ офицеров можете спросить, думаю, они все здесь разделяют мое мнение.

– Да! Без штыка нельзя! Штык обязательно должен быть, – загомонили хором все присутствующие.

– Хорошо, хорошо, господа! – поднял вверх руки Шольц. – Для того-то нас сюда и направили в боевую часть армии, где есть такие опытные егеря. Все это делается с тем умыслом, чтобы мы на месте испытали все свои образцы и выслушали ваши предложения. Порядок наших испытаний будет таков. Я нахожусь здесь три недели, а потом убываю дальше для инспектирования новых производств в южных наших губерниях. Все итоговые полевые, войсковые испытания будут здесь проводиться под контролем мастера замочного цеха Юрия Горюшкина. Юрий, а ну-ка поди сюда! – выкрикнул он, и в комнату заскочил мужчина лет тридцати с виду, одетый в простую, но добротную одежду. Весь он был такой аккуратный и собранный.

– Рекомендую, господа офицеры, – кивнул на него Шольц. – Весьма разумный и умелый мастер. Кстати, замок в этом штуцере – это как раз его детище, он лично его полностью доработал, взяв за основу предыдущий винтовальный карабин. С ним же здесь остается и мастеровой из ствольного цеха. Как уж его там? А, да неважно! – махнул он рукой. – Вот они-то и проконтролируют отстрел не менее трех сотен зарядов на каждый из оставленных стволов и проверят работу всех узлов и деталей у штуцеров. В конце осени, в октябре месяце, они выберут из тех десяти ружей, что к вам сюда приехали, пять самых изношенных, возьмут от вас письменные предложения по совершенствованию этих изделия и потом убудут на завод.

– Вашбродь, а почему мы вторую неделю только лишь «долгой» пулей стреляем? – поинтересовался капрал Изотов. – Вроде раньше «быстрой» все время били, а «долгой» только лишь в самой начале стреляли. А тут вот с этой мудреной зарядкой употеешь возиться.

– Потому как приказ строгий имеется, Аникей, – объяснял егерю подпоручик. – А приказы, как ты и сам знаешь, они в армии не обсуждаются. Никак нельзя нам перед «гостями» эту самую «быструю» пулю показывать. Не по инструкции такое, не по артикулу. Коли узнает про нее высокое начальство, так всем достанется, еще и штуцера заберут, одни лишь гладкие фузеи нам оставят. Поэтому, пока тульские мастеровые здесь, стреляем при них как положено, ну а нет их рядом, так будем, как и раньше, в цель бить.

– Ну, ежели по анструкции и по артикулу, то оно конечно, – покачал головой капрал. – Тогда да-а. Надобно все как положено делать. Вы не сомневайтесь, вашбродь, никак не дознаются эти. Так-то они ведь глубоко здесь не лезут. А их самый старший и важный, так он и вовсе в эту жару из дома не выходит, отсыпается.

Действительно, у господина обер-инспектора была «творческая пауза». Он, как видно, считал все эти мероприятия с войсковыми испытаниями явно избыточными, учитывая, что штуцера и так уже проходили проверку при заводе. И, будучи тайным поклонником Бахуса (древнегреческий бог растительности, виноградарства, виноделия, вдохновения и религиозного экстаза), теперь предавался дегустированию местных изделий и тех, что были запасливо привезены им с собой.

– А и ладно, лишь бы нам не мешал, – махнул рукой Алексей. – Все равно ведь от него никакого толку. Три первых дня ходил и только делал, что причитал, как все здесь убого и серо, да сетовал, для чего их сюда отправили. Вон, от его мастера и то гораздо больше толку, сразу видно в человеке светлую голову. Только в наши оружейные секреты их далеко не подпускайте, господа, – попросил он Хлебникова с Гусевым. – Еще раз повторюсь, сейчас далеко не то время, чтобы секрет по особой «быстрой» пуле уходил дальше роты. Ладно, если про нее прознают наши, а ежели он утечет к врагам, и особенно далеко на запад. Вы представляете, сколько это нам крови потом будет стоить? Турки-то ладно. У них, так же как и у нас, казенные ведомства совсем даже не разворотливые. А в Европах, вон, аж подметки рвут, даже обычные мануфактуры постоянно следят друг за другом – где бы им какую новинку, дающую прибыль, у своего соседа поскорей перенять. Кровью наши солдаты умоются, если каждый вражеский

рядовой будет снаряжен такими вот «быстрыми» пулями. Не время еще, господа, наши секреты выдавать. Когда будет нужно, так мы их и сами раскроем, а пока что держим все при себе.

Наконец господин обер-инспектор пресытился дарами местной виноградной лозы и вернулся в суровую и серую реальность. Два дня он нервно бегал от станицы до стрелкового полигона по самой жаре и стоял над душой у ротных оружейников в их мастерской. И в итоге, затюкав своего мастера с его рабочим всякими мелкими придирками, он укатил по своим «инспекторским» делам по восточному тракту.

– Ну и доброго вам пути, – Юрий в последний раз махнул вслед пылящей кибитке. – Пошли, что ли, Захар, у егерей как раз после обеда новые стрельбы начинаются. По три сотни пуль на каждый ствол они уже настреляли, а теперь вот и вторую набивают.

Действительно, пороха и свинца особая рота не жалела, стрельбы проводились как для новеньких, так и для ветеранов. Стреляли много и из любых положений: стоя, лежа, с колена, в движении, на бегу и даже после переползания. Навык точной и уверенной стрельбы из любого вида оружия был одним из главных как для рядового, так и для господ обер-офицеров. В последние же недели основные стрелковые занятия на полигонах проводились на десяти опытных тульских штуцерах. Оттого-то и настрел был на них таким огромным.

– Не жалейте их, братцы, – поучал егерей мастер-оружейник. – Пусть они перегреваются, ничего страшного, вот и будет видно, где у них самое слабое место. Пока еще есть время, чтобы их переделать на заводе. Только лишь следующим летом для их выхода срок определен.

Вот их и не жалели, однако штуцера работали как часики, серьезных поломок у них пока что не было.

Таблица

Меры величин (единицы изменения) в книге			
Единицы длины			
Единица	Миллиметры	Метры	
Точка	0,25	0,00025	
Линия	2,5	0,0025	
Дюйм	25,4	0,0254	
Вершок	44,4	0,0444	
Четверть (пядь)	177,8	0,1778	
Фут	304,8	0,3048	
Аршин	711	0,711	
Сажень	2133,6	2,1336	
Верста	1 066 800	1066,8	
Меры веса (массы)			
Мера	Граммы	Килограммы	
Доля	0,04	—	
Золотник	4,2657	—	
Фунт	409,5	0,4095	
Пуд	16 380	16,38	
Берковец	—	163,8	
Ласт	—	1179	
Меры вместимости для жидкостей			
Мера	Отношение к меньшей	Ведро	Литры
Шкалик	—	1/200	0,06
Чарка	2 шкалика	1/100	0,1
Водочная бутылка	5 чаркам	1/20	0,61
Штоф	2 водочные бутылки	1/10	1,2
Четверть	5 водочных бутылок	1/4	3,07
Ведро	4 четверти	1	12,3
Бочка	40 ведер	40	491,9

Меры поштучных предметов:

1 дюжина = 12 штук.

1 масса = 12 grossов = 144 дюжины = 1728 штук.

Мера счета бумаги:

1 стопа = 20 дестей = 480 листов.

1 десть = 1/20 стопы = 24 листа.

Глава 6. Подмога

– Ваше высокоблагородие, по восточному тракту со стороны Александр-шанца большая конная колонна в нашу сторону идет, – доложил старший дозора. – Мы пригляделись, там все всадники в наших мундирах, и впереди всех при знамени господ офицеры едут.

– Похоже, это к нам пикинерский полк в помощь подходит, – предположил Алексей. – Иван Абрамович держит свое слово, вот и будем мы теперь вторую линию за своей спиной иметь.

Знакомый уже по встрече у генерала Ганнибала подполковник Синельников оказался человеком разумным и деятельным. Вопрос о расквартировании полка в селе Мешково решили с ним быстро.

– На первое время, господин майор, нам нужны от вас знающие эти места люди, чтобы они показали тут все окрестности. Иван Максимович внимательно вглядывался в подробную Лешкину карту. – Разобьем всю линию на объездные участки для осмотра их конными дозорами и определимся с сигналами и со способами связи между собою. Совсем скоро сюда подойдет еще и рота егерей из батальона подполковника Мекноба, а с ней три егерских команды из пехотных полков. Да, вот еще что, Алексей, Иван Абрамович что-то мне про запорожских казаков тоже рассказывал. Вроде как к сентябрю они у вас тут должны уже быть. Да-а, и про карту он тоже тебе велел напомнить: дескать, не забыл ли Егоров свое обещание? Хорошая, кстати, карта у тебя. И мне бы такую не мешало у себя иметь, – погладил он по большому, плотному, исчерченному листу бумаги. – Может, поможешь с ней по-соседски, а, майор? – и подмигнул егерю.

– Обязательно помогу, Иван Максимович, – улыбнулся тот. – Я ведь замотался и совсем уже запамятовал, что их превосходительству ее пообещал. Ладно, за неделю мы ему скопируем с нашей, а потом и для вас точно такая же будет.

– Разрешите, господин премьер-майор? – порог штабной комнаты цитадели перешагнул Бестужев Алексей. – Прошу разрешения обратиться к вам с рапортом! – учтиво и официально произнес поручик.

– Лешка, ты чего? – Егоров с удивлением посмотрел на друга. Был в последнее время между ними какой-то холодок, но Алексей отбрасывал все мысли и эмоции в сторону, занятый огромной массой служебных дел. И вот на тебе, они как-то сумели дойти до самого что ни на есть официального обращения между собой.

– Господин премьер-майор, прошу вас о переводе из отдельной особой роты в егерский батальон подполковника Мекноба. Вот мой рапорт. Федор Иванович мне его уже подписал, – Бестужев положил на стол перед Егоровым исписанный лист гербовой бумаги.

Алексей поднял на поручика в недоумении глаза.

– Что случилось-то, что произошло? Ты чего это такой стал-то, Александрович?! Может быть, я тебя чем-нибудь обидел или ущемил? Ну, тебе самому же здесь все нравилось? Это ведь родная для тебя рота, Леш?

– Никак нет, господин премьер-майор, ничего у меня не случилось, и ничем вы меня не обидели, – покачал тот головой. – Просто я сам так решил. У подполковника в батальоне вдруг открылась вакансия командира роты. Вот я и думаю, что мне там будет лучше. Подпишите, Алексей Петрович, так нам всем будет лучше, да и полегче, – сказал он каким-то тихим и пустым голосом и отвел свои глаза в сторону.

«Так нам всем будет лучше, да и полегче, так нам всем будет лучше и полегче!» – крутилось у Лешки в голове. Вот теперь ему все становилось понятным. Здесь было «личное».

– Эх, Алексей, Алексей, – вздохнул Егоров. – Зря ты так. Ну да это уже сугубо твое дело, не смею мешать твоей карьере, – и он поставил свою размашистую подпись на листе. – Просьба у меня только к тебе будет, самая последняя. Можешь задержаться со своим переводом на две недели? К нам сюда большое усиление подходит, сам ведь знаешь, сколько здесь суеты будет с их размещением.

– Так точно, господин премьер-майор, – повеселевший Бестужев осторожно скатал написанный лист в трубочку. – Две недели у меня точно есть. Как раз до сентября месяца все и нужно было решать с переводом.

«Эх, Бестужев, Бестужев, – думал Егоров. – Вот и опять расходятся наши пути. Так почему-то всегда происходит в этой жизни. Кого-то мы находим, прикипаем к нему душой, а потом теряем и опять идем дальше. А вот у меня теперь нарисовалась очередная проблема – это вновь искать офицера на первую полуроту. Похоже, придется ею теперь Андреянову очень и очень долго командовать.

– Данила, поди сюда! – крикнул он, и в комнату влетел вестовой.

– Леонида мне найди. Только быстро. Он вроде бы по плану сегодня занятия с третьим плутонгом проводит в их расположении. Пусть сюда бежит, а за него там Сорокин сам своих доучит.

Вскоре послышался топот, и в комнату заскочил ротный барабанщик.

– Ваше высокоблагородие, капрал Максимов по вашему приказанию прибыл!

– Заходи, Леонид, присаживайся рядом за стол, да присаживайся, присаживайся давай, – Егоров кивнул на стоящую рядом скамейку. – Данилка, и ты давай тоже сюда заходи, хватит уже там, у двери, маячить, – позвал он вестового. – Тоже, вон, рядом с Леонидом садись. Я что вас позвал, егеря? Вот, поглядите, перед вами лежит карта всей окружающей нас местности, – Алексей обвел рукой центр стола с расстеленным на нем большим листом плотной бумаги. – Вот на эту самую карту мы совместно с вами всю окружающую нас местность вдоль Буга за два этих года самым подробнейшим образом перенесли. Каждую балку, каждое русло сухого ручья и каждый холмик мы на ней указали. Все расстояния своими ногами промерили. Брод через Ингул, редкие рощицы и само речное русло Буга со всеми его многочисленными островами и притоками – все у нас тут на ней есть. Сам генерал-майор Ганнибал вот этой самой картой остался весьма доволен, а уж он в таких делах большой знаток будет. Как-никак Санкт-Петербургскую артиллерийскую школу в свое время окончил. В Морском Шляхетском корпусе учился. А сейчас в цейхмейстерах морской императорской артиллерии состоит. А это, я вам скажу, егеря, не шутки! Мало кто у нас вообще в стране таким вот серьезным образованием сегодня может похвастаться. В общем, впечатлили вы его, братцы, и очень-очень сильно! Иван Абрамович нам навстречу идет и помогает крепко, хотя у него и самого дел в строящейся крепости море. Сами уже, небось, слышали про укрепление нашей пограничной линии силами его полков? Так вот, есть у меня для вас одно особое и очень важное задание, братцы. Вам нужно будет за две эти недели дважды скопировать вот эту самую нашу карту. Причем в точности и очень аккуратно. Одна из таких копий пойдет к их превосходительству в Александр-шанц, ну а вторую я передам подполковнику Синельникову, командиру пикинерского полка, который будет со своими людьми прикрывать нас здесь с тыла, то есть со второй, степной, кордонной линией. Ивану Максимовичу, кстати, тоже очень понравилась ваша карта, и он ее у меня весьма настойчиво для себя просил. Сами понимаете, соседу отказывать грех, а нам ведь к нему, я думаю, не раз еще придется обратиться.

– Сделаем, ваше высокоблагородие, за две недели должны управиться, – кивнул Леонид. – Других вестовых тоже сюда в помощь возьмем, Никита с Матвейкой тоже ведь маненько набили в этом деле руку. И у каждого полуротного, хотя, конечно, и похуже, но своя карта уже имеется. Да и служба от этого не будет страдать, мы с ребятами так распределимся, чтобы можно было прикрывать друг друга.

– Хорошо, Леонид, но и это еще не все, – вздохнул ротный. – Придется мне вас с Данилом через две недели вообще откомандировать на время к их превосходительству. По срокам командировки я вам ничего пока не скажу, но точно, что дело это будет небыстрое. Вот поглядите, на нашей карте нанесена местность от Буга и до Днепра, а это, считай, квадрат сторонами сто и на сто верст. То же самое вам предстоит сделать и с местностью за Днепром, только там квадрат уже будет в два раза больше. Своей южной стороной он будет упираться в Крым, с востока у него будет степь, а вот с севера и запада его ограничит река.

Егеря сидели ошеломленные.

– Ваше высокоблагородие, это же какая работа огромная, – пробормотал Леонид. – Мы тут вона сколько времени у себя-то эту съемку вели. А тут тако-ое!

– Надо, Леонид, очень надо, – вздохнул Егоров. – Я понимаю, что работы здесь не на один и даже далеко не на два месяца. Под дождем и снегом, на ветру, да еще в открытой степи. Но вы представьте только, как ваши карты будут полезны для всей нашей державы. Это ведь не только в ратном деле от них будет польза, но и для дальнейшего гражданского устройства. Край этот у нас сейчас будет очень и очень быстро обустраиваться. В степи и на побережье появятся десятки городов и сотни, многие сотни новых сел. Тут нужно будет тянуть и почтовые тракты, и закладывать шахты с заводами. Нужно будет строить фабрики и мануфактуры. Распахивать огромные степные просторы и разбивать сады с виноградниками. А как все это делать без знания местности? Так что считайте, что вы будете заниматься наиважнейшим государственным делом, братцы. А для себя такой богатый опыт при этих работах получите, что перед вами потом могут открыться очень хорошие перспективы! Сами же знаете, как у нас сильно ценят грамотных и умелых людей?

– Все понятно, ваше высокоблагородие, – кивнул Леонид. – Надо – значит, надо. Когда и кому прикажете свои дела сдавать?

– Никита вроде поопытнее Матвея будет? Вот и пусть он за барабанщика остается. А за вестового, стало быть, мы оставляем Кокина. Как ты сам мыслишь? – Алексей посмотрел на задумавшегося Леонида.

– Так точно, господин майор, – согласился тот. – Так, наверное, действительно будет лучше. Ничего, справятся, побегать, конечно, им придется. Ну а как же без этого?

– Ну, вот и ладно, – Алексей погладил ладонью поверхность карты. – Постарайтесь, ребята, очень полезное дело вы делать будете. Такое большим начальством никогда не забывается. А по поводу времени отправки к их превосходительству, поедете вы к нему через две недели. Как раз тогда в Александр-шанц наш поручик Бестужев будет убывать. Вот вместе с ним вы и представитесь господину генералу. Я Алексея Александровича проинструктирую, чтобы он за вас замолвил слово перед Иваном Абрамовичем, и сам тоже в сопроводительной записке попрошу его выделить вам все необходимое снаряжение и хорошую, надежную охрану. Сами ведь знаете, места перед Крымом очень беспокойные, ногаи и татары поблизости волнуются и по открытой степи рыщут. Так что вам там придется сторожко все это время держаться. Ну да вы и сами у меня уже калачи тертые, боевые егеря, настоящие волкодавы. И вас просто так врагу никакому не взять. И все равно, братцы, будьте в степи осторожными, берегите себя. Вы нам самим здесь тоже очень нужны! А как только съемку местности проведете, так сразу же на доклад к генералу и потом обратно в роту.

Десятого августа с востока показалась пехотная колонна, позади которой катили конные повозки.

– Колонна, стой! – скомандовал вступившим в станицу подразделениям обер-офицер в зеленой егерской форме. – Господин-премьер-майор, разрешите представиться – капитан Титов, командир второй роты егерского батальона подполковника Мекноба. Посланы под ваше

командование вместе с егерями из пехотных полков генерал-майора Ганнибала. Ждем от вас дальнейших указаний!

– Здравствуйте, господин капитан, здравствуйте, егеря! – крикнул Лешка, окидывая взглядом длинную колонну.

– Здравжелаем, вашвысокоблагородие! – хором выкрикнули приветствие запыленные солдаты.

– Братцы, сегодня ночевку разбираем «по-походному», под открытым небом, вот на этой околице, – распоряжался Егоров. – Дождя нет, на улице у нас тепло, погода стоит чудесная. Сейчас мои ребятки вам покажут, где вы сможете расположиться. Там уже и костровища оборудованы, котлы стоят, и дрова наготовлены. Река совсем рядом, помыться и воды набрать, все тут у вас под рукой. А уже завтра, с утра, после ночевки каждому подразделению покажут место для его постоянного квартирования. От каждой солдатской артели мы ждем представителей для получения провианта через пару часов во-он у того амбара, – Алексей показал рукой на большой сарай, где уже сустились его интенданты. – Господа офицеры, а вас я попрошу в цитадель нашего главного форта.

– Капитан Титов Павел Сергеевич! – первым представился уже знакомый Алексею офицер. – Командир второй роты егерей из батальона Мекноба.

– Поручик Кулгунин Олег Николаевич, подпоручик Дементьев Сергей Андреевич, прапорщик Алексеев Андрей, – поднялись со своих мест офицеры роты Титова.

– Капитан-поручик Капустин Юрий Владимирович – егерская команда Орловского пехотного полка.

– Поручик Тарасов Сергей Сергеевич – команда Черниговского пехотного.

– Подпоручик Рожков Александр Викторович, – Воронежский пехотный полк.

– Рад, что буду служить вместе с вами, господа офицеры, – приветливо улыбнулся Алексей. – Егерь с егерем всегда ведь обоюдное понимание найдут. С некоторыми из вас мы уже плечом к плечу в недавней войне против турок стояли, а с кем-то только вот здесь, на этой службе, сойдемся. В любом случае задача у нас сейчас с вами будет одна – закрыть накрепко эту южную границу империи по реке. Приказом Военной коллегии от восьмого января сего года я назначен командиром Бугской пограничной линии. Ваши подразделения передаются временно мне в подчинение. Но, как показывает жизнь, особенно у нас, у военных, нет ничего более постоянного, чем это – «временное». Поэтому располагаться и устраиваться мы тут с вами будем со всей возможной основательностью. Быт мы постепенно здесь наладим, а вот укрепления приведем в надлежащий порядок, и все у нас тогда будет идти заведенным чередом. Сейчас вдоль левого берега Буга отстраиваются шесть фортов, и в них разместятся команды егерей от пехотных полков. Половина из каждой команды расположится на отдых в ближайшем от этих фортов селе. А другая половина будет в это время дежурить в закрепленных за ней укреплениях. Как менять гарнизоны и по сколько им времени стоять на пограничной линии, мы определимся с вами чуть позже. В любом случае людей у вас для контроля своих участков предостаточно. В каждой вашей команде по штату по шестьдесят рядовых с капралами, плюс четверо унтер-офицеров, барабанщик, ну и вы сами, господа обер-офицеры.

– Итак, команда Орловского пехотного полка, ваши форты первый и второй, это если считать их с севера на юг по всей линии. А центром расположения станет село Федоровское, которое стоит у впадающего в Буг Сухого Еланца. Все ли понятно? – и Лешка посмотрел на Капустина.

– Так точно, господин премьер-майор, – вскочил тот с места. – Наши форты первый и второй. Это самый север всей пограничной линии.

– Именно так, – кивнул Алексей. – Присаживайтесь, господин капитан-поручик. – Так, далее, Черниговская команда егерей, ваши форты у нас на самом юге. Это пятый и шестой, а располагаетесь вы в селе Лупарево, ближе к морскому лиману. Вопросы есть, поручик?

– Никак нет, господин майор, – пробасил Тарасов. – Мы держим южную сторону линии.

– Ну и третий, а также четвертый форты у нас находятся в самом центре всей пограничной линии. Каждый из них стоит всего лишь в семи верстах от той станицы, где мы сейчас с вами находимся. Поэтому и располагаться на постое воронежцы будут здесь. Отсюда же они и будут выходить на свои дежурства в укрепления. Чтобы ни у кого не было обид, почему им вдруг такое срединное место досталось, я для вас всех поясню – полк этот совсем молодой, два года только прошло, как он начал формироваться. Люди в нем многие толком еще даже не обстрелянные, боевого опыта у них совсем мало, да и в самих людях и в их вооружении до сих пор сохраняется серьезная нехватка. Так, из шестидесяти шести человек по штату у подпоручика Рожкова всего пятьдесят семь человек под его началом. Вот поэтому я и определил ему самое спокойное, центральное место во всей нашей обороне.

– Да уж, лучше у меня на дальних, на южных окраинах сидеть, – хмыкнул Тарасов, – чем вот здесь, в самом центре и возле начальства. Это, считай, подпоручику как бы даже за наказание будет!

И все сидящие в комнате офицеры дружно рассмеялись. Один только Рожков сидел на своей скамье весь красный и помалкивал.

– Ну вот, значит, и будет у него интерес к тому, чтобы побыстрее свою родную команду укомплектовать, – улыбнулся Егоров. – А я ведь ему подскажу, как это лучше и быстрее можно будет сделать. Потом, по прошествии какого-то времени можно всех поменять местами, чтобы вам на одном месте сидеть не скучно было.

– Ну уж не-ет, – пробурчал все тот же Тарасов. – Мы там у себя, значит, приживемся, отстроимся, а потом все это Сашке отдавать. А он, значит, на самое готовенькое придет.

– Тише, тише, поручик, – осадил черниговца Алексей. – Разберемся. Ты вот сначала отстрой все там, на этом своем месте, и приживись. Покажи, так сказать, себя хорошим хозяином, а вот мы и поглядим тогда все на тебя.

Тарасов замолчал, и Алексей перешел к роте Титова.

– Ну а вам, Павел Сергеевич, придется брать под себя центральный, головной форт Николаевской и обеспечивать всю караульную службу в самой станице. Сто двадцать человек личного состава, да еще при четырех обер-офицерах и восьми унтерах – это ведь большая сила. Даже на дозоры вокруг станицы и по плавням Ингула у вас людей хватит.

– Так, по строительным работам в укреплении фортов: все, что только возможно, господа офицеры, нужно сделать руками своих команд. Совсем скоро, конечно, должны и строительные, рабочие роты от Днепра подойти, и вот тогда они тоже подключатся к фортификационным работам. На каждый отдельный форт у нас уже есть свой план, и в нем прописано, что там нужно делать. Ознакомьтесь с ним по прибытии – и сразу же начинайте работу. Сейчас у нас конец лета, впереди пара сухих месяцев, а там придет непогода, и далее нагрянет зима. Чтобы не морозиться в укреплениях, их нужно к этому периоду основательно подготовить. Есть, конечно, сейчас трудности и с материалами, но все они будут постепенно решаться. Так, теперь по огневому усилению наших фортов орудиями, – Алексей обвел взглядом комнату с сидящими в ней офицерами. – Не понял, а почему я старшего из артиллеристов сейчас здесь не вижу?

– Так там же обер-офицеров вообще нет, – пожал плечами капитан Титов. – При орудиях самым старшим обер-фейерверкер состоял. Видать, постеснялся он сюда идти.

– Непорядок, – нахмурился Алексей. – Без орудий мы тут, если что, долго вообще не продержимся. – Тот, кто в серьезных баталиях из вас уже бывал, не даст мне соврать – артиллерия есть основная ударная и огневая сила армии и любого крупного воинского подразделения. Данила! – крикнул он, и в комнату заскочил вестовой. – Найди самого старшего из прибывших орудийщиков и веди его быстрее сюда!

– Есть, ваше высокоблагородие! – козырнул егерь и вылетел за дверь.

– Так, пока мы ждем фейерверкера, поясню для всех саму стратегию обороны нашей пограничной линии. Шесть малых фортов и седьмой большой в самой станице являются нашими опорными пунктами с их гарнизонами, готовыми отбить первый натиск противника и подающими сигнал о нападении на них. В каждом из этих линейных фортов у вас будет одновременно находиться примерно по полтора десятка егерей и по столько же казаков из Приписного Бугского казачьего полка. Гарнизоны будут вести наблюдение из самих фортов и плюс обходить окружающую их местность своими малыми дозорами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.